

WIADOMOŚCI POLSKIE ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

1 (68) - 2021

PISMO POLAKÓW W ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ РОССИИ

ROK 2021 ROKIEM
KRZYSZTOFA KAMILA BACZYŃSKIEGO

Центр польской культуры и просвещения «Возрождение» Республики Башкортостан создан в 1997 г.

С 2019 г. Центр является членом Союза польских организаций «Единство». Председатель Центра – Марина Садыкова-Лисовская – также является председателем «Польской матери школьной в России».

В кругу задач центра значится удовлетворение культурных потребностей проживающих в республике поляков и людей, имеющих польские корни; расширение и углубление знания польского языка и культуры; сохранение и возрождение польского фольклора, народно-прикладного искусства и промыслов; создание польских творческих коллективов; организация просветительской и издательской деятельности, краеведческого движения; развития связей между Башкортостаном и Польшей в области культуры, образования, науки, туризма.

Ведётся широкое изучение полонии в Башкортостане; выявление в республике памятных мест, связанных с пребыванием и деятельностью именитых поляков; исследование культурного наследия и традиций поляков в Башкортостане; организация научных конференций, круглых столов по проблемам развития полонии в Башкортостане; формирование библиотеки польской литературы.

При содействии Центра польской культуры и просвещения «Возрождение» Республики Башкортостан разрабатывается и издаётся методическая и учебная литература, учебные пособия по польскому языку, литературе, вопросам истории, географии и культуры; организуется популяризация деятельности центра в средствах массовой информации, ведётся подготовка радио- и телепередач; проводятся встречи с польскими делегациями; осуществляется сотрудничество с аналогичными организациями в различных регионах России.

17–22 января 2021 г.

в Польской воскресной школе им. А. Пенькевича г. Уфы (директор – Елена Амбарцумова-Гулевич) прошли тематические занятия, приуроченные ко Дню бабушки и Дню дедушки, которые отмечают в Польше 21 и 22 января.

21 февраля 2021 г. в Уфе прошёл Международный поэтический онлайн-марафон «Несём вам польское слово!», приуроченный ко Дню родного языка, учреждённому решением 30-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1999 г. Онлайн-марафон был подготовлен Центром польской культуры и просвещения «Возрождение» Республики Башкортостан и Польской воскресной школой им. А. Пенькевича.

Участниками марафона стали жители России

(Екатеринбург, Краснодар, Санкт-Петербург, Уфа), Польши, США и Германии. В их исполнении прозвучали произведения известных польских поэтов: Яна Кохановского, Станислава Рышарда Добровольского, Марии Конопницкой, Леопольда Стаффа, Владислава Броневского, Юзефа Чеховича, Константы Ильдефонса Галчиньского, Ежи Либерта, Ванды Хотомской, Марии Павликовской-Ясножевской, а также Нобелевских лауреатов Чеслава Милоша и Виславы Шимборской.

В акции приняли участие ученики Польской воскресной школы г. Уфы, которые прочли стихотворения Яна Бжехвы, Тадеуша Кубяка и Людвика Ежи Керна.

Поэтический марафон «Несём вам польское слово!» стал символическим приношением польскому языку и самой Польше, подарившей миру много выдающихся личностей, внёсших бесценный вклад в сокровищницу мировой культуры.

22 февраля 2021 г. в Екатеринбурге прошёл первый гастрономический фестиваль «Глобус уральского вкуса» («Кухни народов Урала»).

Гости мероприятия имели возможность познакомиться с традициями проживающих на Урале народов. Организатором выступил Уральский государственный экономический университет (кафедра туристического бизнеса и гостеприимства и кафедра технологии питания) и Свердловская региональная общественная организация «Чувашский культурный центр Свердловской области». С особенностями польской кухни участников фестиваля познакомили члены Екатеринбургской городской общественной организации Польское общество «Полярос» (председатель – Марина Лукас), а замечательный полонийный коллектив „Kasia-Katarzyna” принял участие в межнациональном концерте.

26 февраля 2021 г. в Ростове-на-Дону состоялось торжественное награждение членов РГОО национально-культурной автономии «Союз поляков Дона» (вице-председатель — Наталья Мишина), участвовавших в конкурсах, проходивших в конце 2020 — начале 2021 г. Наибольшую радость вызвало награждение юных поляков, победивших в номинации «Готовим польские национальные блюда». Ребята не только приготовили краковские сэрники, но и сняли фильм, в котором подробно показали процесс приготовления вкусного польского десерта.

26–27 февраля 2021 г. в Новороссийске прошли Дни польской культуры, организован-

ные новороссийскими поляками во главе с председателем Юрием Балем. В рамках мероприятий состоялись экскурсии по Новороссийску и Абрау-Дюрсо, а также польский концерт.

В днях польской культуры приняли участие председатели национальных организаций Новороссийска, а также польских организаций России, и фольклорно-этнографические коллективы и отдельные исполнители из польской диаспоры. Участники мероприятий подчеркнули важ-

ность укрепления дружбы между народами и гармонизации межнациональных отношений.

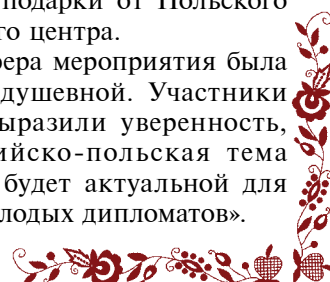
9 марта 2021 г. в Москве состоялся День Польши, организованный Московской образовательной школой № 324 «Жар-птица» совместно с общероссийским объединением Союз польских организаций «Единство». С 2016 г. в школе существует «Клуб молодых дипломатов». Будущие дипломаты подготовили программу, посвящённую культуре и традициям Польши. Особенно впечатлило гостей то, что участники программы исполняли стихотворения и песни на польском языке. Почётными гостями мероприятия стали руководитель Консульского отдела

Посольства Республики Польша в Москве Славомир Лучак, директор Польского культурного центра в Москве Пётр Сквечинский, эксперт Польского культурного центра в Москве Елена Грондзиль, председатель СПО «Единство» Александр Селицкий, вице-председатель новороссийского филиала КРОО ПНКЦ «Единство» Борис Каминский и члены Московской полонийной организации «Единство».

На встрече состоялось торжественное вручение свидетельств новым членам клуба. Ребята получили и подарки от Польского культурного центра.

Атмосфера мероприятия была тёплой и душевной. Участники встречи выразили уверенность, что российско-польская тема и дальше будет актуальной для «Клуба молодых дипломатов».

13 марта 2021 г. в Челябинске прошёл традиционный праздник «Широкая Масленица», организованный Домом дружбы народов Челябинской области при поддержке министерства культуры региона и Федерального агентства по делам национальностей. В мероприятиях принял участие Польский центр культуры г. Копейска, поразивший всех рецептами польских национальных блюд. Особым успехом пользовался печёночный блинный пирог. Зрители были поражены красотой и теплом

выставки, организованной поляками Копейска: изящество болеславского керамического чайного сервиза, узорная национальная

10 марта 2021 г. в Москве прошло собрание Московской полонийной организации «Единство» (председатель — Марина Лактаева). Участники встречи обсудили перспективы развития полонийного движения в столице России, в том числе организацию языковых курсов, проведение культурно-просветительских вечеров и детских праздников. На собрании присутствовал председатель СПО «Единство» Александр Селицкий.

вязь, хрупкие изделия из стекла. Анна и Владимир Малиновские получили заслуженное призовое место в номинации «За сохранение народных традиций».

13 марта 2021 г. настоятель Владимирского римско-католического храма Святого Розария Пресвятой Девы Марии отец Сергей Зуев провёл Святую Мессу на мемориале на Князь-Владимирском кладбище, посвятив её памяти выдающегося деятеля польского движения Сопротивления Яна

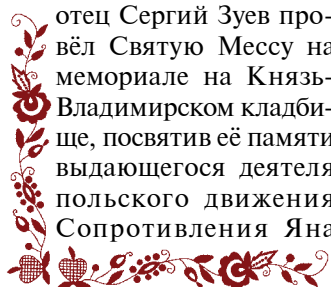
Станислава Янковского (1882–1953). На литургической службе присутствовали руководитель Консульского отдела Посольства Республики Польша в Москве Славомир Лучак, второй секретарь Кшиштоф Свирко, председатель Владимирской областной общественной организации «Центр польской культуры» Алексей Добронравов, представители польской и католической общин.

14 марта 2021 г. в Черняховске прошёл музыкально-поэтический вечер, посвящённый Фридрику Шопену, организованный некоммерческим партнёрством «Польский Дом» им. Ф. Шопена (председатель — Ирена Король).

Великий Шопен является патроном «Польского Дома» в Черняховске, поэтому его день рождения (1 марта) очень важен для всех членов организации, которые отмечают этот праздник ежегодно.

Под звуки вальса, ноктюрна, мазурок, полонеза дети и молодёжь «Польского дома» рассказывали

о фактах из жизни композитора, читали произведения польских поэтов, связанных с Ф. Шопеном и его творчеством. Прозвучали стихотворения Ванды Хотомской, Марии Конопницкой, Артура Оп-

пмана, Ярослава Ивашкевича и других. В ходе мероприятия ребята представили свои иллюстрации к стихотворениям, посвящённым произведениям Ф. Шопена: «Желазова Воля», «Часы», «Отъезд»,

«Вальс», «Мазурек», «Ноктюрн», «Полонез» и многие другие.

Паулина Асмакова и Максим Сидко прекрасно исполнили «Адажио» и «Вальс» великого композитора.

21 марта 2021 г. в Польской воскресной школе им. А. Пенькевича г. Уфы проводили зиму и встретили весну по польским традициям.

Организаторы мероприятия подготовили презентацию традиционных польских обрядов. В Польше проводы зимы начинаются с Запустов — весёлого карнавала с народными гуляньями, играми, танцами, шутками, песнями и обильным угощением пончиками, хворостом и другими сладостями. Главные герои праздника — ряженые во главе с князем Запустом, которого в конце карна-

вала шуточно казнят, сбивая с его головы колпаки или шапки, одетые участниками во время веселья.

Продолжает череду проводов зимы обряд утопления Мажанны — куклы, символизирующей зиму, холод, болезни и неудачи. Её носят по домам, стараются задобрить хвалебными песнями, а потом топят в ближайшей речке. Затем по улицам носят Гаик Зелёный — ветвь, щедро украшенную цветами и разноцветными лентами, около которой девушки танцуют и поют весенние песни. Считается, что после этого весна окончательно вступает в свои права.

27 марта 2021 г. в Черняховске в рамках празднования Всемирного дня театра прошли

мастер-классы художественного чтения и театральной импровизации «Сказки с Ангелом», организованные Некоммерческим партнёрством «Польский Дом» им. Ф. Шопена. Дети и подростки подготовили актёрские вы-

ступления, театральные этюды, постановочные фрагменты из известных произведений польских писателей. Для взрослых были организованы мастер-классы по рисованию ангелов на гальке.

28 марта 2021 г. весь католический мир отметил Пальмовое Воскресение. В память о вхождении Иисуса Христа в Иерусалим и приветствия Его ветками пальмы в Польше сложилась традиция изготовления символических композиций — пальмочек. В некоторых городах Польши проводят конкурсы на самую высокую пасхальную пальму. С пальмами устраивают праздничные шествия, освящают их в костёлах. Поляки хранят свои пальмочки целый год, а перед следующим праздником — кто-то сжигает, кто-то закапывает веточки в полях, иногда кладут в стойла

животных. Эти традиции ещё сохранились в некоторых деревнях. По поверьям, пальмочки несут благополучие, плодородие, здоровье, служат оберегом и являются символом возрождения.

Мастер-класс по изготовлению пасхальной пальмы провели

члены Центра польской культуры и просвещения «Возрождение» Республики Башкортостан, солистки ансамбля польской песни „Zielony Gaj” Рима Гараева и Татьяна Павлова.

Мастер-класс был встречен с большим интересом со стороны учеников Польской воскресной школы им. А. Пенькевича, которые в своих композициях использовали веточки вербы, колосья, цветы, сухие травы, в результате получились яркие и очень красивые пальмочки.

22 STYCZNIA 1921 r.
w Warszawie urodził się **Krzysztof Kamil**

Baczyński – polski poeta czasu wojny, żołnierz, jeden z przedstawicieli *pokolenia Kolumbów rocznika 1920*, w czasie okupacji związany z pismem „*Płomienie*” oraz miesięcznikiem „*Droga*”.

Był synem Stanisława Baczyńskiego, pisarza i krytyka literackiego oraz Stefanii z domu Zieleńczyk, nauczycielki i autorki podręczników szkolnych.

Krzysztof Kamil Baczyński urodził się i mieszkał początkowo w kamienicy przy ul. Bagatela 10. Od 1931 uczył się w Państwowym Gimnazjum im. Stefana Batorego, a następnie w tej samej szkole w 1937 rozpoczął naukę w nowo utworzonym dwuletnim liceum ogólnokształcącym, w klasie o profilu humanistycznym. Nie lubił chodzić do szkoły, bywał tam rzadko i z tego też powodu miał słabe oceny. W maju 1939 roku jednak otrzymał świadectwo dojrzałości.

Już w czasie gimnazjalnym Baczyński odznaczał się wielkim znawstwem także współczesnej mu literatury. Wiadomo, że fascynował się „*Ferdynandem*” Gombrowicza i napisał własny wariant („*Gimnazjum imienia Boobalka I*”). Znał też ponadprzeciętnie literaturę francuską, a w późniejszych latach pisał także wiersze po francusku.

Od 1937 członek Komitetu Wykonawczego „*Spartakusa*”, był także współredaktorem pisma „*Strzały*” – wydawanego od lutego 1938 roku organu tej organizacji, na łamach którego zadebiutował jako poeta wierszem „*Wypadek przy pracy*”.

Wybuch wojny uniemożliwił mu podjęcie studiów w Akademii Sztuk Pięknych. Marzył o karierze grafika lub ilustratora. 3 czerwca 1942 wziął ślub z Barbarą Drapczyńską w kościele

KRZYSZTOF

Podczas jednego z okupacyjnych wieczorów poetyckich do Krzysztofa Kamila Baczyńskiego podszedł Czesław Miłosz i powiedział: «Ty chyba będziesz większy ode mnie». Młody poeta odparł: «Ja już jestem większy od ciebie».

św. Trójcy na Solcu. Od jesieni 1942 do lata 1943 studiował polonistykę na tajnym Uniwersytecie Warszawskim. Zajmował się pracą dorywczą: szklął okna, malował szyldy, pracował u węglarza na Czerniakowie, przyjmował telefonicznie zlecenia w Zakładach Sanitarnych. Uczył się także w Szkole Sztuk Zdobniczych i Malarstwa.

Od lipca 1943 rzucił studia polonistyczne, aby poświęcić się konspiracji i poezji. Twierdził, że jeśli będzie mu to dane, to do nauki powróci.

Wybuch powstania warszawskiego zaskoczył go w rejonie pl. Teatralnego – został tam wysłany po odbiór butów dla oddziału AK „*Parasol*”. Nie mogąc

przedostać się na miejsce koncentracji macierzystej jednostki (Wola – Dom Starców przy Karolkowej), przyłączył się do oddziału złożonego z ochotników, którymi dowodził ppor. „*Leszek*” (Lesław Kossowski).

Krzysztof Kamil Baczyński poległ na posterunku w pałacu Blanka 4 sierpnia 1944 w godzinach popołudniowych (ok. 16), śmiertelnie ranny przez strzelca wyborowego ułożonego prawdopodobnie w gmachu Teatru Wielkiego. Pochowany pierwotnie na tyłach pałacu. Po wojnie ciało przeniesiono na Cmentarz Wojskowy na Powązkach (kwatery A22–2–25).

W powstaniu warszawskim, 1 września 1944, zginęła także żona Baczyńskiego – Barbara Drapczyńska.

Choć żył tylko 23 lata, zdążył napisać kilkaset wierszy, z których najsłynniejsze są z jednej strony świadectwem katastrofy pokolenia naznaczonego wojną, z drugiej zaś wyrazem miłości do żony Barbary. Ale ta bogata twórczość skłania kolejne pokolenia czytelników do nowych interpretacyjnych poszukiwań.

Krzysztof Kamil Baczyński pozostawił po sobie także wiele fragmentów prozy i setki prac plastycznych będących dowodem talentu, którego rozwój prze-rwała przedwczesna śmierć.

Ciekawostki o Krzysztofie Kamile Baczyńskim

Poezja Baczyńskiego okazała się być po długich dekadach wdzięcznym tematem piosenek rockowych – wykorzystywali wiersze Baczyńskiego artyści tacy jak na przykład *Budka Suflera*. Natomiast specyficzne barwy romantyzmu Baczyńskiego wykorzystywał chociażby Stan Borys i Anna Jantar.

Jego wiersze były śpiewane m.in. również przez Ewę Demarczyk (utwór *Wiersze wojenne, Deszcze, Na moście w Avignon*), Janusza Radka, Michała Bajora, Grzegorza Turnaua, zespoły *Lao Che* (utwór *Godzina W*) i *Ankh*.

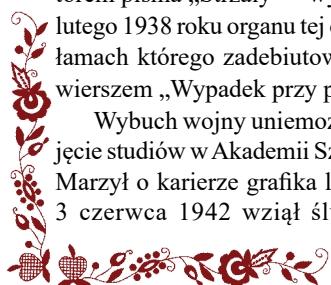
Fragment jego wiersza *Historia* posłużył za tytuł filmu *Jeszcze słyhać śpiew i rżenie koni...*

* * *

Biografia Baczyńskiego doczekała się kilku filmowych ekranizacji, z których na uwagę mogą zasługiwać „*Dzień Czwarty*” w którym poetę zagrał Krzysztof Pieczyński i „*Baczyński*” w reżyserii Kordiana Piwowarskiego (z tytułową rolą Mateusza Kościukiewicza).

* * *

Baczyński odszedł nagle. Nagle odeszła również jego żona, której dramat podwaja fakt, iż była wówczas w ciąży. Był jako dziecko wręcz nieprawdopodobnie chorowity. Cierpiał na astmę, miał przy tym słabe serce i zapadł, jakby tego było mało, na gruźlicę, lecz były to schorzenia jedne z wielu, na które cierpiał. Drugie imię Kamil zostało mu dane ku czci wcześniej zmarłej siostry poety.

KAMIL BACZYŃSKI

ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ, Красноярдар, 2021, № 1 (68)

W okresie okupacji niemieckiej ogłosił 4 tomiki poezji: *Zamknięty echem* (lato 1940), *Dwie miłości* (jesień 1940), *Wiersze wybrane* (maj 1942), *Arkusze poetycki Nr 1* (1944) i składkę *Śpiew z pożogi* (1944) oraz wiele utworów w prasie konspiracyjnej. Jego wiersze pojawiły się także w antologiach poezji wydawanych konspiracyjnie: w *Pieśni niepodległej* (1942) i *Słowie prawdziwym* (1942).

Uznany powszechnie za jednego z najwybitniejszych poetów czasów okupacji. Jerzy Andrzejewski, jego przyjaciel, zadedykował mu tom opowiadań „Noc”. Na wieść o wstąpieniu Baczyńskiego do oddziału dywersyjnego Stanisław Pigoń powiedział Kazimierzowi Wyce: *Cóż, należymy do narodu, którego losem jest strzelać do wroga brylantami*, a Jerzy Zagórski wspomnienie o nim zatytułował *Śmierć Słowackiego* (1947). Tadeusz Gajcy pisał o nim: *Poeta o nucie dostojnej*. Krzysztof przyjaźnił się z poetą Jerzym Kamilem Weintraubem; dedykował mu wiersz „Jesienny spacer poetów”. Weintraub, podobnie jak Wyka, należał do osób, z którymi Krzysztof rozmawiał o poezji.

Poezja Baczyńskiego najpełniej wyraża cechy pokolenia Kolumbów rocznika 1920. Dla nich konsekwencją wybuchu wojny była konieczność poradzenia sobie z tym wstrząsem i odnalezienie własnej postawy wobec tych wydarzeń. Jego wiersze pomimo silnego związku z czasem wojny, ukazują swój uniwersalny wymiar. Dzieje się tak m.in. dlatego, że nie pisał o swojej epoce wprost, lecz w konwencji apokaliptycznej i onirycznej, a także dlatego, iż poruszał problemy ponadczasowe, takie jak rzeźbienie duszy i psychiki człowieka, refleksja nad młodością i dojrzewaniem (w tym przypadku drastycznie przyspieszonym przez wojnę), poszukiwanie wartości mogących stanowić fundamenty dorosłego życia.

Krzysztof Baczyński w wierszach często stosował liczbę mnogą, przemawiając w swoim i generacji imieniu. Pisał wiersze katastroficzne, ze środka „spełniającej się apokalipsy”, pragnąc zmierzyć się ze swoją epoką i czasem historycznym. Ukazywał wojnę pełną onirycznych i symbolicznych obrazów, widząc ją jako siłę niszczycielską dla dotychczasowych systemów wartości i norm moralnych, a wprowadzającą nowe, okrutne prawa. Był nieufny wobec tradycyjnej poetyki – uważał, że jest niewskazana wobec ogromu zniszczeń i cierpienia narodu. Miał świadomość zagłady własnej i jego pokolenia; jednocześnie nie dramatyzował nad tym losem. Pragnął zminimalizować skażenie wojną, jej wpływ na własną psychikę. Chciał zmycia tego piętna poprzez obcowanie z mityczną arkadią jako światem czystym, nieskażonym, pozbawionym krwi, okaleczenia i śmierci. Ton jego poezji jest zróżnicowany: obok wierszy dotyczących przeżyć okupacyjnych, pisał także te oddzielone od tych wydarzeń, pełne nadziei i piękna. Są pełne rozbudowanych metafor, elementów ze świata baśni, mikroprzyrody, otoczone aurą nastrojowości.

Na szczęście zachowały się wszystkie jego dzieła: ponad 500 wierszy, kilkanaście poematów i około 20 opowiadań. Najbardziej znane wiersze Baczyńskiego to: *Elegia o... [chłopcu polskim]*, *Mazowsze*, *Historia*, *Spojrzenie*, *Pragnienia*, *Ten czas*, *Pokolenie*, *Biała magia*, *Gdy broń dymiąca z dłoni wyjmę...*, *Polacy*.

Autoportret

Cytaty Krzysztofa Kamila Baczyńskiego

„Nas nauczono. Nie ma miłości.
Jakże nam jeszcze uciekać w mrok
przed żaglem nozdrzy węszących nas,
przed siecią wzdętą kijów i rąk,
kiedy nie wrócą matki ni dzieci
w pustego serca rozpruty strąk.
Nas nauczono. Trzeba zapomnieć,
żeby nie umrzeć rojąc to wszystko.
Wstajemy nocą. Ciemno jest, ślisko.
Szukamy serca – bierzemy w rękę,
nasłuchujemy: wygaśnie męka,
ale zostanie kamień – tak – głaz”.

* * *

„Któraś serce jak morze rozdarła
w synu ziemi i synu nieba,
o, naucz matki nasze,
jak cierpieć trzeba.
Która jesteś jak nad czarnym lasem
blask – pogody słonecznej kościół,
nagnij pochmurną broń naszą,
gdy zaczniemy walczyć miłością”.

* * *

„Bo przecież trzeba znów pokochać.
Palce mam – każdy czarną łufą,
co zabić umie. – Teraz nimi
grać trzeba, i to grać do słuchu.
Bo przecież trzeba znów miłować.
Oczy – granaty pełne śmierci,
a tu by trzeba w ludzi spojrzeć
i tak, by Boga dojrzeć w piersi”.

Zachowało się również kilkadziesiąt rysunków i grafik Baczyńskiego, jak na przykład ilustracje do poszczególnych wierszy poety, projekty okładek własnych tomików, kolekcja rysunków z psem Baczyńskiego, studium kocich łebków czy rysunki o tematyce orientalnej.

Opracował Jan KARBOWNICKI

Z MOZDOKU do Władykaukazu liczą około 90 wierst. Cała ta przestrzeń okrom wszelkiego wątpienia, tak co do klimatu, jako i co do położenia miejsc, i żyzności, jest jedną z najlepszych krain. Cokolwiek przydatnym bądź może do zaspokojenia doczesnych potrzeb i wygod, tego wszystkiego w obfitości znaleźć tu można: mimo to wszystko, liczba mieszkańców jest nie odpowiednia; dzikość zaś ich i nieoświecenie tak wielkie, iż z niebezpieczeństwem własnego życia wolą przez rozboje i łupiestwa szukać wyżywienia, aniżeli spokojnie zażywać darów, które na nich opatrność Boska wysypała.

Próżnoby się WMPan do filozofii udał, chcąc dociec, jaka jest przyczyna oplakanego ich stanu: gdyż to bez filozofii jest rzecz jawna, że oni też, jako i inni ludzie, szukają szczęścia. Cóż nas na tym stopniu oświecenia, którym się od nich różnimy postanowiło? iżali filozofia? bynajmniej: sama tylko Ewangelia: ona więc sama sprawić może, że i ta kraina przyjmie postać oświeconej Europy. Wszakże, aby głos jej stał się tu powszechnym, potrzeba wyzuć się nie jednemu ze wszelkich wygod, i życie swe poświęcić na ofiarę. Na to zaś odważyć się tym jest trudniej dla dzisiejszego Filozofa, iż w całej terażniejszej filozofii nie ma tej nauki, *zapomnieć na siebie, a myśleć o szczęściu bliźnich*: starej do tego potrzeba filozofii, potrzeba wsparcia z nieba, jakie mieli Apostołowie. Ale się wracam do rzeczy.

Po drodze wiodącej ku Władykaukazowi wiele jest fortec mniej więcej uzbrojonych: w każdej z nich znajdowałem po kilku prostych żołnierzy i oficerów rzymsko-katolickiego wyznania. Trudno jest wyrazić, jak wielką oni uczuli pocie-

LIST X[ądz] JÓZEFA opisujący podróż przez góry kaukaskie

Z obowiązku stanu mojego objeżdżając niektóre azjatyckie krainy, zastanawiałem się nad rozmaitymi ich przedmiotami, których opisanie w niniejszym liście W[aszej] M[ilości] Panu przesyłam.

chę, widząc Kapłana, jak chętnie słuchali słowa Bożego, i jak umieli korzystać z tego zdarzenia. Pierwsza Forteca o 30 wierst od Mozdoku za rzeką *Terekiem* leżąca, nazywa się *Kabardynsk*. Jużem namieniał o szczęśliwym położeniu tych okolic, o tym jednak miejscu można twierdzić, że jest ze wszystkich najprzyjemniejszym: nie można tam jednak bez licznej straży dla wielu zbójców dojechać. Zbliżając się ku innej fortecy *Kabardy*, postrzegłem mogiły, pomniki i w rozmaite kształty niezgrabnie ciosane kamienie. Często dają się tu widzieć, kawałki marmurów i wielkie mnóstwo konch skamieniałych, które zapewne nie urosły na górach kaukaskich. W *Kabardzie* uczyniwszy zadość obowiązkom Misjonarza, udałem się ku *Kambielejew*: w bliskości tego miasteczka znalazłem dość obfite mineralne wody, które rozkładać chemicznie krótkość mi czasu nie dozwoliła. Z *Kambielejew* przybyłem do Władykaukazu. Twierdza ta jest kluczem gór kaukaskich: Komendantem jej uczyniony niedawno przybyły General *dell Pozzo*. Wielcem się ucieszył, gdy mię zapewniono, iż z tej twierdzy wyjść można bez najmniejszego niebezpieczeństwa: wiedziałem albowiem, iż nie upłynęło pełna kilka miesięcy, jak pasterzom nawet pasącym trzody, przystaw wojskowy dawa-

General Iwan dell Pozzo (1739–1821)

no. Odmianę tę bez wątpienia przypisać należy niepospolitej czynności nowego Komendanta, który tak potrafił ugłaskać dzikie umysły mieszkańców, iż niekiedy po kilka ich tysięcy poddaje się w jego opiekę, zawierając z nim ugodę, i chętnie mu swych hersztów wydając.

W okolicach Władykaukazu widziałem góry z miękkiego kamienia, który łatwo się rżnąć daje; urznięty zaś nabiera twardości innym kamieniom zwyczajnej. Kilka się dni zabawiłem w tej twierdzy, i wypełniwszy obowiązki duchowne, udałem się w dalszą drogę. Wszystkie przyjemne widoki

Widok gór w okolicy Władykaukazu

* T. J. – Towarzystwo Jezusowe (zakon jezuitów).

SURYNA T. J.* z Mozdoku ku miastu Tifflis

Góra Kazbek

tu się skończyły: same okropne przepaści odkryły się mym oczom. Idąc drogą, która ku miastu *Tifflis* prowadzi, postrzegłem z daleka grzbiet gór kaukaskich, przez które potem przedzierać się musiałem. Ciągną się one od kaspijskiego aż do czarnego morza, w szerz bez mała sto wiersz zajmują. Wierzchołki tych gór wiecznym pokryte śniegiem, nikną w obłokach. Pasma ich nieprzerwane, w jednym tylko miejscu nieco się rozdziela, i daje wolne przejście bystrej rzece *Terek*, przez którą jadąc do *Tifflis* przeprawić się potrzeba. Przed kilką laty nie można było tego miejsca inaczej przebyć, jedno za przewodnictwem góralów, którzy przewodząc podróżnych zawiązywali im oczy; sam bowiem widok skał nad głową wiszących i otwierającej się w dole przepaści, mógłby każdemu przytomność odjąć, i o upadek przypawić. Za taką przeprawę wielkiej się też górale domagali opłaty: od czego i Car nawet georgiański *Temerazow* nie był wolnym, który postawiony od nich nad przepaścią, życie swe drogo musiał opłacić.

Zwyczaj ten opłacania się góralom trwał aż do czasów Xiążęcia Cycyanowa: od niego bowiem, gdy się domagano znacznej nagrody, śmiało odpowiedział: „Cesarz mój nikomu podatku nie płaci, a jeśli się odważycie tego wymagać od jego poddanych, wiedźcie, iż całe wasze plemię wygładzone będzie». Znajoma im była tego męża stałość umysłu i nieodmienność pogroźek, i przeto te zdzierstwa ustały. Dopiero około rzeki *Tereku* idzie droga, po której nie tylko można jechać konno,

ale też działa wojenne i najcięższe pojazdy wygodnie przeprowadzać. Plan drogi i wykonanie po większej części przypisać należy samemu Xiążęciu Cycyanowi. Górale tedy przechodzący zwykli o nim mówić: *silny to człowiek, on i góry łamie*. W nagrodę tej dla kraju przysługi, wystawiono Xiążęciu posąg z tegoż samego porfiru, który on wyłamał za pomocą prochu, dla uczynienia wygodnego przejazdu przez środek góry: miejsce to, kędy się przejeżdża, ma zupełne podobieństwo do najwytworniejszej sali, mającej sklepienie, posadzkę i ściany z jednej bryły kamienia. Zupełne ukończenie tej pracy, którą się rząd nasz zajmuje, uczyni go władcą całego Kaukazu, i ułatwi związek i handel z *Georgią*. Droga prowadząca od *Władykaukazu*, ciągnie się po nadbrzeżach

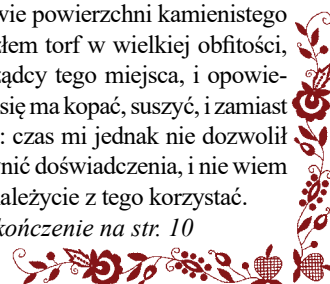
Książę Paweł Cycyanow (1754–1806)

rzeki *Tereku*. Niezwyczajna bystrość tej rzeki, szum pochodzący z częstych spadów wody, prądy, wąskość drogi, i niebezpieczeństwo od zbójców, zatrwożyć mogą człowieka, by też największą odwagą obdarzonego. W ustawicznej więc bojaźni i niespokojności odprawując tę podróż, przybyłem do Fortecy *Kazbek*, na górze tegoż imienia leżącej, o 40 wiersz od *Władykaukazu*.

Ze wszystkich kaukaskich gór najwyższą jest *Kazbek*: tak nazwana od imienia głównego niegdyś rządcy *Georgii Kazbeka*, który wielkie usługi czynił rządowi, i przeto niepospolity łaską zaszczycał się naszego Cesarza. Okolice tego miejsca smutny dla przejeżdżających wystawiają widok, smutniejszy jeszcze dla samych mieszkańców: nie tylko bowiem tu lasów zgoła nie ma, ale nawet znacznych zarośli dostrzec nie można. Same tylko puste góry, po większej części granitowe lub jaspisowe, widzieć się dają. Liczne domostwa georgiańskie, ihnumeńskie i osetyńskie, które mają tu swe osady, sięgają owies, jęczmień i pszenicę, w małej jednak ilości; gdyż tak między górami, jako i po nadbrzeżach *Tereku* nie wiele jest ziemi do uprawy i zasiewów sposobnej. Nie mogłem pojąć, co by tych mieszkańców sprowadziło w te strony, kędy opał i wyżywienie jest nader trudne. Bydła tu mało się znajduje, a to tak drobne, iż zgoła równać się nie może z białoruskim. Pochodzi to zapewne z niedostatku dobrej paszy. Zdziwiłem się mocno, gdy widział, jako się małe barany i jagnięta na wzór szwajcarskich kóz wieszają po najwyższych skałach szukając pożywienia. Koni tu prawie nie widać: miejsce ich zastępują osły, które jednak mniejsze są daleko od osłów zwyczajnych. Ciężary wszystkie, letnią nawet porą, przewożą się tu na saniach: koła zaś dla ustawicznych gór, i kamienistych gruntów nie są używane.

Uważając wielką nędzę tutejszych mieszkańców, postrzegłem, że się na niedostatek drewna najbardziej żałą: skąd zimna znaczne ponosić muszą, które w tutejszym klimacie dobrze się czuć daje. Z tego powodu postanowiłem szukać torfu: wniosłem albowiem z samego położenia miejsca, i częstych dolin, iż się znajdować może. Jakoż z wielkim ukontentowaniem moim, na samej prawie powierzchni kamienistego gruntu znalazłem torf w wielkiej obfitości, pokazałem rządcy tego miejsca, i opowiedziałem, jako się ma kopać, suszyć, i zamiast drewna używać: czas mi jednak nie dozwolił samemu uczynić doświadczenia, i nie wiem czy potrafią należycie z tego korzystać.

Dokończenie na str. 10

LIST X[ądz] JÓZEFA SURYNA T. J. opisujący podróż z Mozdoku przez góry kaukaskie ku miastu Tifflis

Początek na str. 8

SZUKAJĄC torfu napadłem na źródło mineralne, w którym prócz żelaznej rudy, jakom ze smaku wnosił, znajduje się też sól jakaś i siarka. Mnóstwo tu jest górnego kryształu, i innych pięknych kamieni: owszem tak wiele rzeczy we względzie mineralogicznym i botanicznym uwagi godnych widzieć się daje, iż badacze natury mieliby tu długą i uczoną, a razem też przyjemną dla siebie zabawę.

Zbliżając się do mieszkania tutejszego rządcy, postrzegłem starożytną cerkiew, której architektura wcale się różni od innych wszystkich kościołów, jakiem w tych stronach widział. Chcąc pilniej się przypatrzeć, udałem się do niej w towarzystwie jednego urzędnika i georgiańskiego kapłana. Cała ta budowa jest z ciemnego granitu i porfiru: kamienie gładko są ciosane i tak dobrze połączone, iż spajania nie łatwo dostrzec. Pytałem się od kogo i kiedy budowaną była, odpowiedziano mi, że o tym żadnej wiadomości nie mają; to jedno pewna, iż dobrze przed przyjściem teraźniejszych w te strony mieszkańców była wystawiona. Szukałem napisu, lecz nie znalazłem; postrzegłem tylko na ścianie krzyż w kamieniu wyryty, mający kształt krzyżów rzymskich.

Z *Kazbeku*, gdzie nie wielu katolików znalazłem, udałem się do fortecy *Kobi*, o 20 wiersi stąd odległej. Tu się kończy

Ulica w Tiflisie

droga wzdłuż rzeki prowadząca ku *Tifflis*, a inna się poczyna przez górę krzyżową. Odbyłem ją bez wojskowych przystawów, dla bezpieczeństwa jednak miałem sobie przydanych Konaków. Zapytasz podobno WMPan, co to są Konaki? są to przewodnicy tym pewniejsi, i bezpieczniejsi, że do liczby najpierwszych rozbójników należą: inni wszyscy mniejsi łotrowie za święty mają obowiązek, okazywać im swoją uległość i poszanowanie. Konaki tyle mają wspaniałości, iż kto się ich opiece poruczy, gotowi są własnym go życiem od niebezpieczeństwa ratować: proszę więc

nie mniemać, że góralom kaukaskim zgoła na moralności zbywa.

Nie daleko tej drogi po jaspisowych płytach płynie mała bezimienna rzeka, obfitująca w mineralne źródła: z jednego tam wytryska naturalna fontanna. Na brzegach tej rzeki wiele się znajduje dziurkowatego kamienia, od naturalistów *suber montanum* zwanego. Czy to jest skutkiem wulkanicznych gór, czy trzęsienia ziemi, zostawię do śledzenia badaczom natury, i nie wchodząc w ich uczone spory, wybrane lepsze kawałki z innymi kamieniami przyślę do połockiego gabinetu. W okolicach tutejszych pełno jest Turów: są to zwierzęta co do kształtu podobne jeleniom: mięso ich bardzo jest smaczne: sierść na nogach, i rogi, które są wielkie, mają podobieństwo do kozich: na niedostępnych śnieżnych górach najpodobniejsze im jest siedlisko: widziałem jednego zabitego od Osetyńców. Zdaje mi się, że tego rodzaju zwierząt nie ma w Europie. Dzień tylko mi drogi pozostawał do *Tifflis*, że jednak obowiązki moje nie wyciągały, abym tam jechał, nazad się stąd w towarzystwie Konaków wróciłem.

**Źródło: *Miesięcznik Połocki*.
Rok 1818. Tom II. S. 154–163.**

*Pismo „Miesięcznik Połocki”
(l. 1818–1820) było periodykiem
naukowo-informacyjnym,
wydawany przez Akademię Połocką
(byłe Kolegium jezuitów w Połocku)*

Osiedle Kobi

POŁAM SOBIE JĘZYK

Spadł bąk na strąk, a strąk mu pękł.
Pękł pęk, pękł strąk a bąk się złąkł.

W trzęsawisku trzeszczą trzciny,
trzmieł trze w Trzcinie trzy trzmieliny
a trzy byczki znad Trzebrzyczki
z trzaskiem trzepią trzy trzewiczki.
Bzyczy bzyk znad Bzury zbzikowane bzdury,
bzyczy bzdury, bzdurstwa bzdurzy
i nad Bzurą w bzach bajdurzy,
bzyczy bzdury, bzdurnie bzyka,
bo zbzikował i ma bzika.

Turlał goryl po Urlach kolorowe korale,
rudy góral kartofle tarł na tarce wytrwale.
Gdy spotkali się w Urlach góral tarł, goryl turlał,
choć sensu nie było w tym wcale.

W gąszczu szczawiu we Wrzeszczu
klaszczą kleszcze na deszczu,
szepcze szczygiel w szczelinie,
szczeka szczeniak w Szczucinie,
piszczy pszczoła pod Pszczyną,
świszcze świerszcz pod leszczyną,
a trzy pliszki i liszka
taszczą płaszcze w Szypliszkach.

Trzódka piegży drży na wietrze,
chrzęszczą w zbożu skrzydła chrząszczy,
wrzeszczy w deszczu cietrzew w swetrze,
drepcząc w kółko pośród gąszczy.

Trzynastego, w Szczebrzeszynie
chrząszcz się zaczął tarzać w trzcinie.
Wszczęli wrzask Szczebrzeszynianie:
– Cóż ma znaczyć to targanie?!
Wezwać trzeba by lekarza,
zamiast brzmieć, ten chrząszcz się tarza!
Wszak Szczebrzeszyn z tego słynie,
że w nim zawsze chrząszcz brzmi w trzcinie!
A chrząszcz odrzekł niezmiyszany:
– Dawniej chrząszcze w trzcinie brzmiały,
teraz będą się tarzały!

Czesał czyżyk czarny koczek,
czyszcząc w koczku każdy loczek,
po czym przykrył koczyk toczkiem,
lecz część loczków wyszła boczkami.

Czarny dzięcioł z chęcią pień ciął.

Hasał huczek z tłuczkiem wnuczka
i niechęć huknął żuczek.
– Ale heca – wnuczek mruknął
i z hurkotem w hełm się stuknął.

Leży żuczek, leży wnuczek,
a pomiędzy nimi tłuczek.
Stąd dla huczka jest nauczka
by nie hasać z tłuczkiem wnuczka.

W grząskich trzcinach i szuwarach
kroczy jamnik w szarawarach,
szarpie klącza oczeretu
i przytracza do beretu,
ważkom pęki skrzypu wręcza,
traszkom suchych trzcin naręcza,
a gdy zmierzchać się zaczyna,
z jaszczurkami sprzeczkę wszczyną,
po czym znika w oczerecie
w szarawarach i berecie.

Kurkiem kranu kręci kruk,
kropłą tranu brudząc bruk,
a przy kranie, robiąc pranie,
królik gra na fortepianie.
Za parkanem wśród kur
na podwórku kroczył kruk
w purpurowym kapturku,
raptem strasznie zakrakał
i zrobiła się draka,
bo mu kura ukradła robaka.

Mała muszka spod Łopuszki
chciała mieć różowe nóżki,
różdżką nóżki czarowała,
lecz wciąż nóżki czarne miała.
– Po cóż czary, moja muszko?
Ruszę móżdżkiem, a nie różdżką!
Wyrzuć wreszcie różdżkę wróżki
i zanurzaj w różu nóżki!

Na peronie w Poroninie
pchła płaśała po pianinie.
Przytupnęła, podskoczyła
i piano przewróciła.

W krzakach rzekł do trznadla trznadel:
– Możesz mi pożyczyć szpadel?
Muszę nim przetrzebić chaszczę,
bo w nich straszne straszą paszczę.
Odrzekł na to drugi trznadel:
– Nie potrzebny, trznadlu, szpadel!
Gdy wytrzeszczysz oczy w chaszczach,
z krzykiem pierzchnie każda paszcza!

Warzy żaba smar,
pelen smaru gar,
z wnętrza gara bucha para,
z pieca bucha żar.
Smar jest w garze,
gar na żarze,
wrze na żarze smar.

ОСНОВАННЫЙ в 1860 году как военный пост, уже с 1862 года Владивосток приобрёл статус военно-морского порта, а с 1880 года выделен в особое военное губернаторство, став в 1888 году центром Приморской области. История Владивостока начинается с подписания 16 (28) мая 1858 года Айгунского договора между Российской империей и Цинским Китаем. Инициатором договора стал генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Российско-китайское размежевание на Дальнем Востоке стало отправным моментом для освоения и заселения Приморья. В 1859 году Н. Н. Муравьев-Амурский, обходя на корабле изрезанные берега южных оконечностей материка, обратил внимание на хорошо закрытую и глубоководную бухту. Через год, в июне 1860 года, в бухту зашёл военный транспорт «Манджур» под командованием капитан-лейтенанта А. К. Шефнера, доставивший из Николаевска-на-Амуре 37 человек рядовых 3-й роты 4 линейного Восточно-Сибирского батальона, двух унтер-офицеров, прапорщика и обер-офицера. В тот же день на месте высадки был поднят флаг Российской империи. Месяц спустя на российской географической карте впервые появились новые названия: пост Владеть Востоком — Владивосток, бухта Золотой Рог.

В 1860 году Россия заключила с Китаем новый (Пекинский) договор, согласно которому практически весь Дальний Восток стал российской территорией. Сразу же была разработана программа массового переселения на новые земли жителей западных губерний, которые хотели бы получить бесплатно в свою собственность наделы земли. В марте 1861 года приняты «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях». Дальневосточные земли объявлялись открытыми для заселения «...крестьянами, не имевшими земли, и предприимчивыми людьми всех сословий, желавшими переселиться за свой счёт».

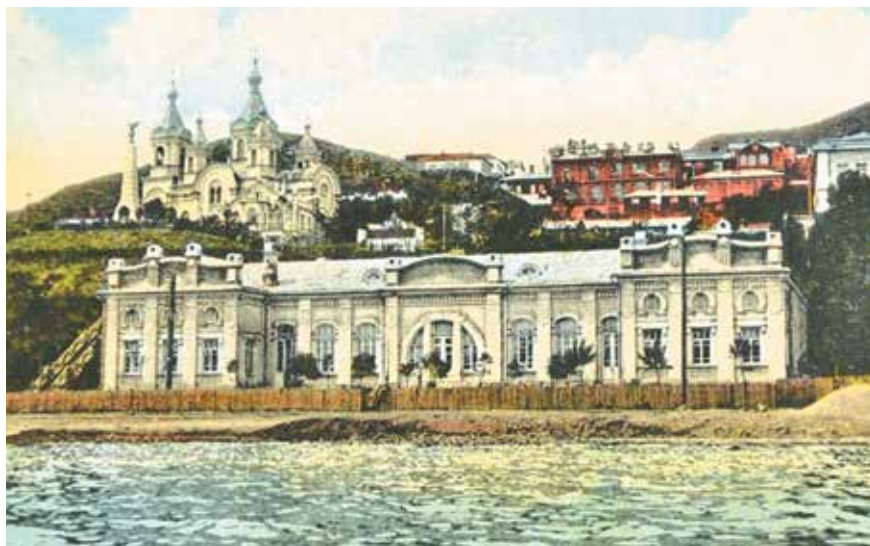
В 1862 году население Владивостока составляло 78 православных, 2 католика, 14 протестантов и 6 евреев. Но уже в 1868 году городских строений было около 500 и в них проживало служащих солдат и матросов с жёнами и детьми — 348 человек, лиц разного свободного сословия с семьями — 89, поселенцев и отставных солдат — 32, их жён и детей — 5, прочих жителей — 36. Всего 510 человек, среди которых

Владивосток — город на семи холмах, омытый водами Тихого океана, окружённый бескрайними горными хребтами Сихотэ-Алиня, на берегу живописной бухты Золотой Рог. С самого своего основания — это надёжный пост, город-крепость, военный страж на крайней оконечности Великой России.

Исторический о появлении поляков

полицмейстер и почтмейстер. Основными строителями военного поста и порта Владивосток были солдаты Восточно-Сибирских линейных батальонов. Наряду с русскими служивыми здесь проходили службу и лица польской национальности. По имперскому указу молодые поляки отправлялись на 25-летнюю службу в русскую армию. Польские военнослужащие считались ненадёжными и направлялись подальше от польских губерний — в Сибирь и на Дальний Восток. В 1871 году царское правительство решило перевести из Николаевска-на-Амуре в молодой, но стремительно строившийся порт Владивосток главную базу Сибирской военной флотилии, резиденцию военного губернатора и морской порт. В составе переведённых подразделений

успешно служили и польские подданные русского царя. Можно с уверенностью сказать, что в конце XIX века поляки в большинстве своём попадали во Владивосток именно как военнослужащие. Городская земля недалеко от мест дислокаций гарнизонов и флотских экипажей отдавалась под застройку служивым. Появлялись улицы Гарнизонная, Флотская, Экипажная. Земля от Мальцевского оврага до улицы Луговой была отдана под застройку чинам Сибирской флотилии — матросам, офицерам, медицинскому персоналу госпиталя. Названия слободок говорят о тех, кто там проживал: Матросская, Офицерская, Госпитальная. Среди застройщиков были поляки: штабс-капитан Вольский, поручики Финицкий, Лотвицкий, Гурский, Санцевич,

очерк во Владивостоке

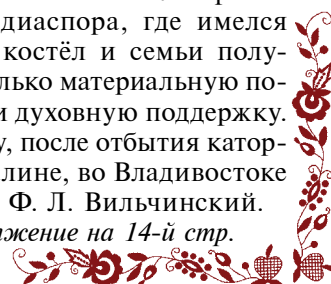
Скурский, Пенинский, Малинко, капитаны Ланской, Хильковский, а также врачи — коллежские асессоры Янковский, Ивановский. Так появлялись первые польские поселения Владивостока. В 1874 году по указу Его Императорского Величества отдаётся приказ о причислении отставных нижних чинов к мещанскому сословию Владивостока. На городских торгах покупают землю для строительства домов отставные и теперь уже мещане Владивостока: матрос Амурского экипажа Андрей Плохарский, фельдфебель Михаил Жуклевич, поручик Корпуса флотских штурманов Питийский. Свыше 450 земельных участков было роздано частным лицам под застройку, среди них полякам: Антону Белецкому из Варшавской губернии, Бобровскому, Веденскому, Бортановскому, Дубровскому, Галецкому, Тараскевичу, Киприяну Соболевскому, Сосновскому, Ружицкому и ряду других. Район нынешней Первой Речки заселялся ссыльнопоселенцами, поэтому и слободка получила название Каторжной. Скалистая сопка в центре города стала называться Тигровой после того, как на часового, стоявшего на посту, напал тигр. А Голубиная Падь обязана своим названием голубиной почтовой станции, через которую осуществлялась связь между населёнными пунктами и судами. Здесь спустя несколько лет появится улица

Ботаническая и самое большое поселение поляков.

В конце 1870-х годов во Владивостоке стали работать механические мастерские по ремонту судов. В них выполнялись разнообразные кузнечные, слесарные, токарные и плотничьи заказы судовых команд, производился ремонт корабельных корпусов, изготовлялись паруса и судовые снасти. Кроме судоремонта, стали работать кирпичный и кожевенный заводы, паровая мукомольня и пивоваренный завод. Важно было, что Владивосток рос как военный и торговый порт. Развитию города способствовал также режим беспошлинной торговли порто-франко, введённый ещё в 1862 году. В 1875 году военный губернатор Приморской области генерал-майор Симонов решил избрать во Владивостоке Городскую думу, вследствие чего военный пост приобретает городское положение, должность городского головы и утверждается герб, хотя официально Владивосток ещё не был признан городом. Среди первых гласных Владивостокской думы были и поляки: подпоручик П. П. Должинский, коллежский секретарь Ф. С. Закрежевский, купец И. И. Галецкий, коллежский асессор В. Е. Зимницкий, прапорщик В. С. Быковский. В 1878 году первая перепись населения Владивостока зарегистрировала 4163 жителя, а уже в отчётах Думы за 1879 год значилось 8837 человек,

из которых около 4000 восточного происхождения — маньчжуры, китайцы, корейцы. Европейское же население состояло из военнослужащих (3184 чел.) и членов их семей, а также купцов, мещан, рабочих, моряков коммерческих судов и поселенцев. Свою роль в образовании польской колонии Владивостока сыграли ссыльнопоселенцы и поляки, отбывшие каторгу в Сибири и на Сахалине за участие в польском национальном движении. Многие из них имели дворянское происхождение и блестящее образование. Подавляющему большинству польских изгнанников дорога на родину была закрыта, поэтому, отбыв срок, они перемещались на восток и оставались в молодом, развивавшемся Владивостоке. В 1874 году, после отбытия ссылки в Восточной Сибири, во Владивосток переехал участник польского восстания 1863 года М. Я. Янковский, осевший здесь и ставший известным предпринимателем, учёным-натуралистом и общественным деятелем. Павел Осипович Гинальский, из дворян города Вильно, горный инженер, за участие в студенческих протестах в Варшаве был приговорён военным судом к смертной казни, заменённой впоследствии на пожизненную ссылку на Сахалин. В 1871 году Гинальский прибыл во Владивосток, после чего отправился на Сахалин, где служил штейгером на каменноугольных шахтах. Как специалисту, имевшему европейское высшее образование, каких не было на острове, его перевели на поселение с казённой квартирой и жалованьем. Впоследствии он намеревался переехать во Владивосток, но смерть помешала этому. Согласно предсмертному желанию Гинальского, пять его дочерей уехали во Владивосток, где проживали их родственники и была крепка польская диаспора, где имелся польский костёл и семьи получали не только материальную помощь, но и духовную поддержку. В 1880 году, после отбытия каторги на Сахалине, во Владивостоке поселился Ф. Л. Вильчинский.

Продолжение на 14-й стр.

Начало на 12-й стр.)

ЗДЕСЬ он был принят на государственную службу в канцелярию Приморского областного правления, быстро продвигался по службе, принимал самое активное участие в подготовке и проведении первой Всероссийской переписи населения и в других статистических исследованиях, за что и был награждён орденом св. Станислава III степени. Вильчинский был также членом Общества изучения Амурского края.

Заметный вклад в деятельность Общества изучения Амурского края и в работу Приморского краеведческого музея (ныне Краеведческий музей им. М. К. Арсеньева) внёс известный этнограф Б. О. Пилсудский, который получил разрешение поселиться во Владивостоке после сахалинской каторги в 1900 году. Таким же путём попали во Владивосток члены первой польской рабочей партии «Пролетариат», приговорённые к каторжным работам на Сахалине в 1885 году: Г. Госткевич (жил во Владивостоке в 1897–1927 годах, где участвовал в создании профсоюзов), А. Словик (1900–1930 годы), А. Фоминский (жил во Владивостоке до 1914 года, затем вернулся в Варшаву) и другие.

В 1875 году начало строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) принесло на юг Приморья и во Владивосток большую волну поляков из Варшавской, Люблинской, Виленской, Ковенской, Келецкой, Сувальской, Радомской и других губерний, существенно увеличившую местное население. На строительстве и эксплуатации КВЖД было занято около 7000 поляков. Это были главный инженер и ведущие инженеры, строители, изыскатели, машинисты, начальники станций, кондукторы и путевые рабочие. Кроме того, поляки были заняты на строительстве и эксплуатации Уссурийского участка Транссибирской железной дороги. В 1893 году открылось железнодорожное сообщение между Владивостоком и Никольским (Уссурийск), а в 1897 году поезда пошли до Хабаровска. Немало поляков переселилось во Владивосток и его окрестности добровольно в поисках

работы и лучших условий жизни: ремесленники, строители и предприниматели. Устроившись, они, в свою очередь, приглашали переселяться сюда своих родственников и знакомых. Поляки приезжали во Владивосток молодыми (некоторые не знали русского языка), но с большим желанием трудиться и создавать семьи. Об этом имеются свидетельства, полученные от старожилов Владивостока с польскими корнями. Подобным

Прошло два десятилетия после основания поста Владивосток, и управление им постепенно переходило от военных к людям сугубо гражданским. 10 мая 1880 года военный пост и порт Владивосток официально получил статус города и выделился из состава Приморской области как самостоятельная административная единица. В марте 1880 года из Одессы во Владивосток отбыл первый торговый пароход

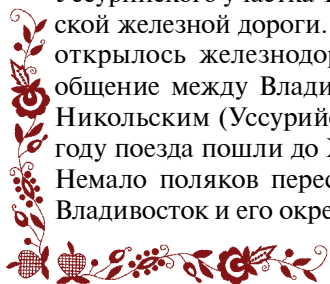
Исторический о появлении поляков

образом во Владивостоке оказались семьи Сымоновичей, Зелинских, Станько, Талько, Миджельских, Аевских, Бржезинских, Коваль-Навроцких и ещё многих других. Царское правительство всячески поощряло переезд выпускников российских университетов польского происхождения на Дальний Восток для освоения новоприсвоенных Российской империей земель.

Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета Станислав Салинский приехал во Владивосток в 1897 году и исполнял обязанности мирового судьи в урочище Новокиевском. Он много лет защищал интересы местного населения, состоявшего из корейцев, китайцев, японцев, а также некоторого числа представителей малых народностей, снискав у них уважение и почёт.

«Москва», который спустя 46 суток благополучно прибыл в бухту Золотой Рог, а после указа «О казённокоштном переселении в Южно-Уссурийский край» от 1 июля 1882 года открылось и регулярное товаро-пассажирское морское сообщение. Во Владивосток начинают прибывать переселенцы множества национальностей: немцы, поляки, лифляндцы, скандинавы, англичане, американцы, французы, итальянцы, евреи, греки, японцы, корейцы и китайцы. Согласно сведениям Городской Думы Владивостока за 1883–1884 годы, население города увеличилось до 10 069 чел., из которых 8362 мужчин и 1707 женщин. Среди горожан преобладали русские — 6197 человек, иностранцев было 87, а лиц азиатской национальности (китайцы, корейцы, японцы) — 3785.

В числе горожан потомственных дворян было 7, духовенства — 52, почётных граждан — 5, купцов — 63, мещан — 282, крестьян — 208, отставных военных — 324, действительных военнослужащих — 4564 человека.

В 1884 году на пост городского головы был избран статский советник, кавалер пяти орденов Игнатий Иосифович Маковский. Он занимал эту должность с 1885 по 1888 год. Военный юрист

советник К. Ф. Пельчицкий, гласными выбраны М. Н. Красовский, Н. Ф. Кудрицкий, К. А. Высоцкий. В том же году членом городской Управы избран потомственный дворянин, почётный гражданин Владивостока Ф. И. Бутковский. Вместе с тем, несмотря на развитие Владивостока как города-порта и роста его гражданского населения, на территории города по-прежнему находились Восточно-Сибирские линейные

очерк во Владивостоке

по образованию, Маковский был направлен на Дальний Восток в штаб Сибирской флотилии, где исполнял обязанности командира Управления портов Восточного океана. Маковский служил городу самоотверженно, проявив талант незаурядного организатора; всегда пользовался заслуженным уважением жителей и прилагал немало усилий для повышения уровня культурной жизни Владивостока. В 1889 году его избрали синдиком (старостой) католического прихода Владивостока.

В 1884 году гласными Владивостокской Городской Управы выбраны поляки Ильницкий, Тарашкевич, Манцевич, Польский и купец Жуклевич. В 1898 году на место городского головы заступил бывший член Управы, титулярный

батальоны, база Сибирской военной флотилии и резиденция военного губернатора.

Владивосток, прежде всего, — это военная крепость Российской империи, и во многих военных подразделениях с доблестью и честью служили польские подданные. Согласно выпискам из списков личного состава флотилий Владивостока за 1886–1887 годы, здесь несли службу: подпоручик Гайковский (клипер «Абрек»), ст. штурман офицер Смельский (винтовая лодка «Горностай»), лейтенант Дольбровольский, штурман штабс-капитан Пипийский, инженер-механик Камашинский (пароход «Амур»), инженер-механик поручик Кучевский (пароход «Суйфун»), командир лейтенант Токаревский

(парусная шхуна «Фарватер»), лейтенанты И. Коссович, И. Заляевский, мичман Н. Стронский (фрегат «Дмитрий Донской»), штабс-капитан Г. Якубовский, ст. механик И. Болославский (корвет «Рында»), князь В. Шаховский (корвет «Витязь»), офицеры П. Квятковский, Й. Хмелевский, П. Палецкий, И. Будиловский, М. Коландс, А. Заборовский, Л. Альбрехович, врач Казимир Држневич (канонерская лодка «Нерпа»). Феликс Павлович Талько из мещан местечка Чуднов Волынской губернии проходил военную службу во Владивостоке на пароходе «Рюрик». Суда Добровольного флота стали совершать рейсы между Владивостоком и странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Во Владивостокский порт начали заходить иностранные коммерческие пароходы. Так, в 1888 году около 90 судов доставили свыше 8 тыс. тонн товаров почти на 6 млн. руб. Что за люди стремились сюда на далёкую окраину России? Приезжали со всего света. Морской порт Владивосток принимал чуть ли не все нации мира — «этот странный нерусский город». Никого в те времена не удивляло, что на улицах города звучала разноязычная речь и было не менее десятка церквей: православные, католический костёл, лютеранская кирха, буддийский храм, еврейская синагога, китайские и корейские молельни. Каждый выбирал свою веру. В конце XIX века польскую речь можно было услышать во Владивостоке в магазинах, на улицах, в гостиницах. Это стало явлением обыденным. Так, по сведениям городской статистики в 1889 году во Владивостоке проживало 499 поляков-католиков, в 1897 году — 925 (3,2% от числа всех исповеданий), в 1899 году — 1300 человек (3,4%). Можно сказать, что в городе и его окрестностях уже вполне сформировалась польская диаспора и римско-католическая община. Католические священники для поляков, оторванных от родины, имели первостепенное значение: стоявшие на страже польского духа, поддерживали патриотизм своей паствы и её привязанность к землякам.

Татьяна ШАПОШНИКОВА

— Ну, и знаете что, а? Видать ли САЛЯМ АЛЕЙКУМ? — на мостике за спиной вахтенного офицера капитанский голос раздался в тот самый момент, когда тот всматривался в мгlistые ещё очертания острова САЛЯМИС, открывшегося слева по курсу трансатлантического лайнера «Костюшко», направляющегося в Пирей.

Капитан несказанно гордился своей идеей называть остров арабским приветствием «МИР ТЕБЕ», и уже не первый год не упускал он ни единой okazji, чтобы при приближении судна к острову громогласно не напомнить об этом офицерам на мостике.

Вне всякого сомнения, этимология названия острова и арабского приветствия совпадают, но гораздо раньше капитана отметил это Парандовский¹: «Название острова звучит как приветствие». Капитан с неизменным удовольствием повторял это САЛЯМ АЛЕЙКУМ, предваряя непременно «Ну, и знаете что, а?»

Открытие это было совершено им спустя несколько месяцев после прибытия на так называемую палестинскую линию, обслуживаемую нашим крупнейшим лайнером «Полония», на котором он был сначала старшим офицером, а затем капитаном. Через некоторое время в помощь «Полонии» прибыл второй наш лайнер «Костюшко», и оба эти судна, сменяя друг друга раз в неделю в течение многих месяцев, посещали Пирей в ходе своего двух-

недельного рейса, начинающегося и заканчивающегося в Констанце, поддерживая регулярное сообщение между Стамбулом, Яфой, Хайфой, Александрией и Пиреем, к которому «Костюшко» как раз и приближался.

На шести румбах вправо от курса уже была видна лоцманская станция, а за ней — покрытые пылью огромные агавы, зелень которых уже не просматривалась. Таким же образом обстояли дела с «вечной зеленью» островов из архипелагов Киклады и Додеканес, описанной историками древнего мира, а летом 1936 года та же зелень была ещё более блеклой, чем в предшествующие времена. «Костюшко» застопорил ход перед лоцманской станцией. По штурмтрапу на борт вскарабкался лоцман.

От входа в порт до якорного места путь оставался немалый. Большие пассажирские суда проходили его под звуки бравурных маршей, передаваемых судовой радиотрансляцией, и с палубной командой, занявшей места на баке и корме по швартовому расписанию. В назначенном месте отдавался якорь, и судно малым ходом двигалось назад к набережной, на которую подавались швартовы. Для сообщения с берегом использовался понтон, протянувшийся от берега до кормового трапа. Таким образом

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

Ян Парандовский

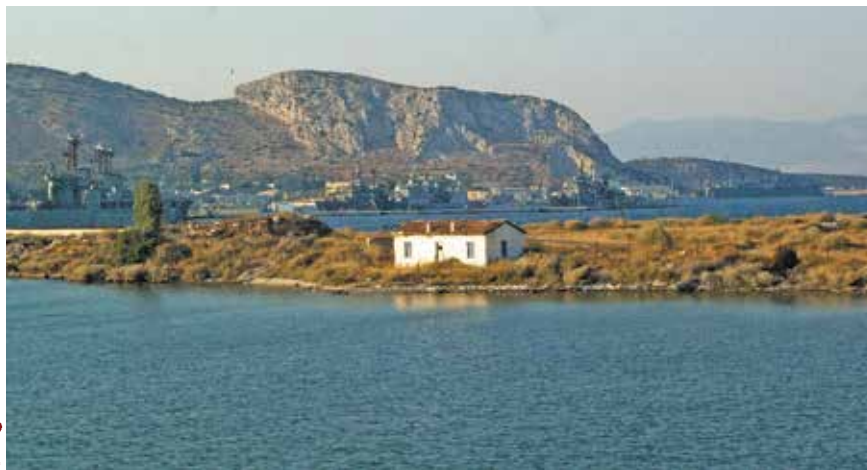
обеспечивался доступ с обоих бортов к бункерным портам — специальным вырезам в корпусе, через которые грузился подвижимый на баржах уголь. Оба лайнера бункеровались в Пирее. Прекрасная погода и благозвучие знакомых маршей вовсе не предвещали для «Костюшко» ничего нового или неожиданного.

Из привычного состояния вывел капитана и офицеров лоцман, неожиданно объявивший, что судно станет не в том месте, где из месяца в месяц обыкновенно швартовалось, а у противоположной стенки бассейна. С мостика по телефону это мутящее разум сообщение поступило старшему офицеру на бак и «второму» на корму: «Становимся не там, где всегда, а к противоположной стенке бассейна».

Это была революция. Лоцман отлично представлял себе, какое впечатление произведёт это сообщение. Когда капитан поинтересовался причиной такого решения портовых властей, лоцман ответил, что капитан и сам мог бы предвидеть это, имея на борту т а к о г о пассажира.

— Какого пассажира? — удивился капитан.

Лоцман улыбкой выразил капитану свою признательность

Остров Саламис

* Продолжение. Начало см. в №№ 61-63 (2019), 64-67 (2020).

¹ Ян Парандовский (1895–1978) — прозаик, переводчик, выдающийся знаток древнего мира (переводч.)

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

за умение держать язык за зубами, добавив, что причину смены места стоянки капитан сам вскоре посчитает обоснованной. Третий офицер, исполнявший при постановке судна на швартовы службу на мостике, так легко не сдался и спросил лоцмана, кого он имел в виду, говоря: «ТАКОГО ПАССАЖИРА». Старый лоцман вежливо дал «третьему» понять, что не желает прослыть человеком не в своём уме.

Новое место может быть во сто крат лучше старого, но в первый момент никогда не вызовет на судне энтузиазма. Коль скоро месяцами, раз в две недели судно швартовалось в одном и том же месте, то вся команда уже считала его своим собственным. Даже единожды изменённое место швартовки ломало уже сложившийся расклад схода на берег, связанный с нанесением визитов, покупками и развлечениями.

Швартовка в новом месте воспринималась с глухим молчанием. На лицах персонала пассажирской службы читалось удивление, когда хорошо знакомая набережная осталась справа по борту, а «Костюшко» продолжал движение вперёд.

Наибольшее неудовольствие выразил капитан:

— Ну, и знаете что, а? Ну, и дам же я этому интенданту, за то, что опять не доложил мне о важном пассажире, как и в тот раз, когда скрыл от меня певца.

Капитан имел в виду известного эстрадного исполнителя, который совершил с нами поездку в Палестину. В тот день, когда певец ступил на борт, по судовой радиотрансляции время от времени стали передавать песню в его исполнении:

Такой уж из меня шельмец!

И вне сомненья, что я — подлец!

Капитан, прослушав эту песню с утра уже не один раз, разнервничался, когда она зазвучала во время обеда, и заявил сидящему рядом господину:

— Ну, и знаете что, а? Ну, не люблю я этого «шельмеца». Ну, весь день только о нём. Ну, шельмец, да шельмец. Ну, никогда в жизни такого слова в моём словаре не было.

И в самом деле, капитан не кривил душой — в ходу у него были слова похлеще, но вот «шельмец» — никогда.

С ужина капитан вернулся на мостик ещё более раздражённым и, когда вновь услышал эту самую мелодию, поделился, как обычно, своими проблемами с присутствующими офицерами. Офицеры тут же объяснили капитану, по какой причине на судне постоянно «крутят» эту самую песню, и что тот господин, которому капитан всё успел высказать, её и исполняет. Это был Бодо².

— Ну, и знаете что, а? Ну, значит, я слегка не то ему сказал. Ну, слегка грубовато. Ну, что же теперь делать, а?

«Ну, что же теперь делать?» — капитанский вопрос прозвучал совершенно риторически. И без того было понятно, что дело, как и несчётное число других, завершится в капитанской каюте приёмом заинтересованных сторон и

заключением «вечной между ними дружбы».

Пока шла швартовка, капитан не переставал обещать себе, что разнесёт интенданта за то, что тот поставил его в неловкое положение перед лоцманом.

Выяснения личности таинственного пассажира долго ждать не пришлось. Не успели завершиться санитарно-таможенные формальности, как на борт поднялся весь наш дипломатический корпус из недалёких Афин. Капитана и офицеров связывали с ними дружеские узы. На этот раз все они с торжественными минами на лицах тут же скрылись в капитанской каюте.

Тем временем, судно, как и всегда по прибытии в Пирей, готовилось к приёму бункера. Бункер, то есть топливо, всегда был яблоком раздора между поставщиком из Пирея и нашими судовыми механиками. Каждый раз к борту подходили одни и те же баржи с тем же самым количеством угля, и каждый раз после бункеровки начинались долгие диспуты на тему, сколько угля приняло судно. Палубная команда уже давно успела убрать с палубы даже следы угольной пыли, а в каюте старшего механика всё ещё продолжались горячие споры. День клонился к вечеру, а с ним приближалось обусловленное расписанием время выхода из Пирея. Вечером палубная команда заняла уже места по швартовому расписанию в надежде, что споры вот-вот завершатся, но с мостика время от времени приходило телефонное сообщение, что «расчёт ещё успехом не увенчался».

В первых двух рейсах штурманские офицеры считали, что из-за жары в машине механики утратили всякую способность к счёту. Решив оказать им помощь, они скрупулёзно обмерили доставленный баржами на борт уголь.

Продолжение на 18-й стр.

Эугениуш Бодо

² Эугениуш Бодо (1899—1943), собственно Богдан Эжен Жюно — популярный польский киноактёр, эстрадный артист, режиссёр, сценарист, танцор, певец, конферансье и продюсер (переводч.)

В ОБОИХ случаях штурманские расчёты с точностью до тонны совпали с расчётами машины, но разница, определённая поставщиком, была столь значительна, что однажды старший механик, непревзойдённый весельчак среди механиков нашего торгового флота, начал торги с утверждения, что поставщик вообще угля не доставил.

Это вызвало немалое веселье, но в конце концов машина пришла к выводу, что такие споры следует рассматривать, как особое приложение к формальностям, связанным с бункеровкой. Механики других судов были, по-видимому, более понятливы, чем наши, и легче поддавались уговорам поставщиков.

Прошло с полчаса, как дипломаты прибыли на борт. Наконец двери распахнулись, и дипломатический корпус сошёл на берег. Оказалось, что таинственным пассажиром был КОРОЛЬ КОРОЛЕЙ, вынужденный покинуть собственную страну, властелин Абиссинии Хайле Селассие³.

Афины были электризованы этим известием, опубликованным краковской газетой «Ежедневный иллюстрированный вестник»⁴.

В то время война в Абиссинии уже догорала. Аддис-Абеба, что значит «Новый цветок», была занята итальянцами, а король Абиссинии был вынужден бежать. Весь мир терялся в догадках — где

он найдёт пристанище? И вдруг неожиданно в Афинах прочли, что на польском судне «Костюшко», раз в две недели заходящем в Пирей, в ближайшие дни окажется Хайле Селассие. Тогда в Греции невозможно было представить себе что-либо более сенсационное. В течение многих месяцев вся пресса писала о итало-абиссинской войне, ссылаясь на огромный естественный прирост населения Италии, как на оправдание поиска нового жизненного пространства.

Капитан столь же живо, как и все, интересовавшийся этими делами, заявил: «Ну, знаете что, а? Ну, история. Ну, история — великая вещь. Ну, сударь, вот что такое естественный прирост населения, однако, чтобы христианский народ нападал на первых чернокожих христиан? Ну, я такого, сударь, не признаю. Ну, сударь, десятки лет тому назад, когда итальянцы по тем же самым причинам напали на абиссинцев, те итальянцев разбили под Адудей и десятки тысяч их, взятых в плен, превратились в евнухов. Ну, сударь, так был решён демографический прирост в Италии на десятки лет вперёд. Ну, а теперь? Ну, с самолётов итальянцы охотятся на людей, вооружённых пиками. Ну, а Лига Наций, сударь? Все санкции Лиги

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

Хайле Селассие I

закончились тем, что только лишь французы отказались от закупки для эксклюзивных парижских магазинов итальянских дамских шляпок.

Капитан обвораживал пассажиров своеобразными, в духе своего собственного отношения к абиссинцам, рассказами: «Ну, знаете что, а? Чтобы жениться, абиссинец должен убить льва и снять с него шкуру, или убить врага. С врага сдирает он не всю кожу, а лишь полосу от обоих углов нижней губы, тянущуюся вдоль всего живота, пока не отрежет её со всеми принадлежностями, потом посреди делает продольный разрез и нанизывает это всё через голову на шею своего коня. Ну, некоторые по несколько таких трофеев на своего коня надевают».

Такой рассказ производил очень сильный эффект, и, чтобы его немного смягчить, капитан добавлял: «Так происходит исключительно лишь, если абиссинец намеревается жениться. Обычно же абиссинцы очень спокойны и любезны и утверждают, что с врагами не следует бороться и брать криком. Следует лишь навестить

Порт Пирей

³ Хайле Селассие I (1892–1975) последний император Эфиопии, происходивший из легендарной династии потомков царя Соломона (переводч.).

⁴ «Ежедневный иллюстрированный вестник» (польск. „Ilustrowany Kurier Codzienny”) — широко распространяемая по миру газета, выходившая в 1910–1939 гг. (переводч.).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

колдуна с просьбой написать на листочке пожелания, которые хочется переслать или высказать в адрес неприятеля. Написанные колдуном на бумажке слова надлежит обмакнуть в кофе и этот кофе дать выпить недругу. Ну, ни в коем случае неприятель не должен этого видеть. Ну, и что в этом такого? В зависимости от того, были недруг плохим или хорошим, отправляется он туда, куда ему и пожелали — в ад или в рай».

Под влиянием рассказов капитана «Костюшко» решительно занял сторону абиссинцев.

Причиной смены места швартовки «Костюшко» стало опасение конфликта между командой стоящего рядом с понтоном «Костюшко» большого итальянского пассажирского судна и нашей командой, если бы мы ошвартовались на старом месте. Греки боялись, что итальянцы, узнав о Хайле Селассие, предпримут попытку захватить его силой. Об этом откровенно признался капитану агент Арванитидис.

На войне в Абиссинии

Площадь, прилегающая к набережной, у которой ныне стоял «Костюшко», была переполнена людьми. Один за другим подъезжали лимузины, а их пассажиры наблюдали за нашим лайнером и фотографировали его. Совершен-

но незнакомые люди тут же обступили сходящую на берег команду и предлагали огромные деньги за фотографию Хайле Селассие, сделанную на судне.

Один из офицеров из желания вознаградить приехавших в такую жару из Афин, чтобы увидеть Хайле Селассие, переоделся в абиссинского воеводу — раса и время от времени как бы невзначай показывался в дверях бара на шлюпочной палубе, привлекая к себе повышенное внимание.

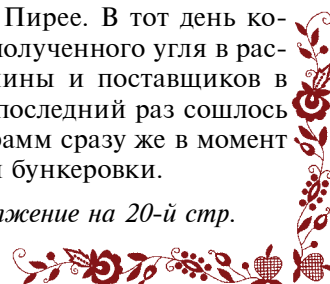
С заходом солнца отвага людей, предлагающих фантастические суммы за фотографии, выросла. Всё больше их было на понтоне у трапа. Прежде всего атаковали они судового фотографа, который увековечил уже столько паломников на Святую Землю. Никто из предлагавших огромные суммы не сомневался, что тот воспользуется сказочной таки возможностью всего лишь за день сколотить состояние.

Это была самая незабываемая стоянка в Пирее. В тот день количество полученного угля в расчётах машины и поставщиков в первый и последний раз сошлось грамм в грамм сразу же в момент окончания бункеровки.

Продолжение на 20-й стр.

Редакция «Ежедневного иллюстрированного вестника»

НЕЗАБЫВАЕМ был и момент расставания со служащими агента. Они опасались, что итальянцы могут отправить нам на перехват один из своих боевых кораблей из вблизи расположенного Додеканеза, когда мы будем проходить пролив Доро между островами Эвбея и Андрос и далее водами древней Трои к входу в Дарданеллы.

Самый младший сотрудник агента Анастаси заявил, что будет дежурить у телефона, пока не поступит сообщение из Бюйюкдере, что мы благополучно туда дошли. «Костюшко» впервые вышел из Пирея без опоздания.

Возможность встречи с итальянским военным кораблём нас совсем не радовала. Первые ночные часы после выхода из пролива Доро прошли спокойно, но офицеры на мостике и вахтенные матросы были встревожены. Каждый огонь, появлявшийся на горизонте, вызывал понятный интерес. Этот путь к Трое переносил наши мысли в эпоху Гомера, пока розовые пальцы Эос не приоткрыли, наконец, ночную завесу — на небе появился брат Эос золотистый Гелиос, под опекой которого «Костюшко» благополучно миновал Трою.

Здесь чувство беспокойства нас покинуло. Турция входила в балканский пакт наравне с Грецией, Румынией и Югославией, каждая из которых опасалась итальянцев. Но больше всего боялась их Турция, находящаяся в непосредственной близости от принадлежащего итальянцам архипелага Додеканез из тринадцати островов. Благодаря союзам Турции

удалось удержать свою Анатолию, к которой Италия испытывала неподдельный интерес ещё до нападения на Абиссинию. Ночью «Костюшко» миновал Мраморное море. С рассветом предстал перед нами город из сказок тысячи и одной ночи. Из лежащего над морем жемчужно-розового тумана открывались порозовевшие под восходящим солнцем шпили минаретов и купола мечетей Константинополя. «Костюшко» миновал защитные стены Серая и вошёл в золотосные воды залива, из которого некогда черпали золото в виде бесчётного тунца. К сегодняшнему дню осталось от него лишь название ЗОЛОТОЙ РОГ.

Подошла лоцманская лодка. Лоцман не принёс на судно никакой сенсации. Мы, как и всегда, стали посреди Золотого Рога, заведя швартовы на стоящие в заливе на якорях швартовые бочки. Минуты не прошло, как к трапу подошла моторка агента — дипломаты опять потребовали капитана. Делать нечего. Вскоре капитан очутился в конторе агента, где был выдан на растерзание польским, турецким и итальянским дипломатам.

— Ну, и знаете что, а? — рассказывал об этой встрече капитан на мостике. — Ну, итальянцы прицепились ко мне, что скрыл я от них правду в Пирее, что на судне присутствует Хайле Селассие. Ну, говорю я им, что нет у меня ни

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

Хайле Селассие, ни кого-либо на него похожего. Ну, и знаете что, а? Ну, вытаскивает итальянец газету «Ежедневный иллюстрированный вестник», в котором написано, что Хайле Селассие находится на борту «Костюшко». К газете ещё пришпилен перевод на итальянский язык. «Ну, и что из этого?» — говорю я ему. Ну, ваш Цицерон сказал, что бумага не краснеет (*epistula non erubescit* — письмо не краснеет). Ну, итальянцы рассердились на меня. Турки стали их успокаивать. Ну, и теперь турки принялись просить раскрыть им правду. В самом ли деле Хайле Селассие на борту присутствует, или его нет?

Ну, я разнервничался и ничего больше говорить не стал. И опять итальянцы принялись за свои вопросы, почему я скрываю, что на судне присутствует Хайле Селассие? Ну, и один из них так по-свински прицепился ко мне: «Есть или нет?» — спрашивает он. Ну, и проорал я, что нет. Ну, и знаете, что тогда стало, а?

Тогда итальянец вытаскивает из папки фотографию и спрашивает, знакомы ли мне лица, на ней запечатлённые?

Дальнейший разговор капитана с дипломатами интересней описал один из польских служащих, исполнявших при этом роль переводчика.

Капитан глянул на фотографию и онемел. Итальянец указал ему на одного из сфотографированных и спросил, узнаёт ли он этого человека. Капитан был вынужден признать, что да. Этим человеком был сам капитан.

— А этого офицера рядом с вами? — продолжал расспрашивать итальянец.

Капитану пришлось признать, что знает этого человека и это — старший офицер, с другой стороны «второй», а за ними «третий». Все они — судоводители «Костюшко».

— А кто сидит посередине? — с нескрываемым удовлетворением спросил итальянец.

— Хайле Селассие, — с изумлением признался капитан.

Триумф итальянца был сокрушителен. Польские дипломаты

Золотой Рог

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

Дарданеллы

стали посматривать на капитана с неодобрением. Капитан осознал, что лежащая на столе улика в этот момент любую дискуссию лишает всякого смысла.

Капитан любил иногда ставить себя в один ряд с ведущими историческими личностями мира. И теперь он вошёл в роль главного действующего лица в новом международном конфликте. Не обращая внимания на укоры польских дипломатов, не смог он воздержаться от выражения польски своей оценки ситуации.

— Ну, это стало бы историческим моментом, если бы соответствовало правде.

Но это заявление не вызвало отклика. Польские дипломаты не нашли, чем на это ответить. Турецкие не проявляли желания передать Хайле Селассие итальянцам, как и греки в Пирее.

«Исторический момент» затягивался. Международное напряжение возрастало. Все молчали. Было понятно, что на Чёрном море итальянцам сказать будет нечего. «Костюшко» шёл в Румынию, а та наверняка примет КОРОЛЯ

КОРОЛЕЙ. Триумф итальянцев в этот момент был их поражением.

Тишину прервал один из итальянцев, который взяв фотографию в руку, ещё раз к ней присмотрелся, а после чего выразил капитану неимоверное своё сожаление за лишнее беспокойство и бесцельно отнятое у него время.

Польские и турецкие дипломаты с недоумением рассматривали итальянца, полагая, что у того

случилось умопомешательство. Остальные итальянские дипломаты были смущены и растеряны.

Наблюдая, какое впечатление на присутствующих произвело его извинение перед капитаном, дипломат пояснил, что ребёнок Хайле Селассие, запечатлённый на снимке, лет на десять старше. Лежащая на столе фотография — мастерский фотомонтаж.

Остальные дипломаты, в свою очередь, стали приносить капитану свои извинения.

«Исторический момент» был признан несостоявшимся.

Капитан, подводя итог этой истории, сделал такой вывод:

— Ну, и знаете, что, а? Ну, я убедился, насколько велика сила прессы. Ну, и узнал я, наконец, каков подлец из нашего фотографа. Ну, короче говоря, не люблю я этого слова «шельмец». Ну, что делать, а?

CHIMERA MIRABILIS

Мы были третьим судном под польским флагом, которому вскоре предстояло пересечь экватор. До сих пор наш трансатлантический лайнер ходил северным путём в Нью-Йорк, а в тропиках оказался впервые. Всю палубную команду охватила «тропическая лихорадка», каждому матросу хотелось прикоснуться к обычаям, связанным с переходом экватора.

Продолжение на 22-й стр.

Додеканез

ПО ПРИМЕРУ знаменитого Биб⁵, который в те времена погрузился почти на тысячеметровую глубину в батисфере собственной конструкции, я мысленно странствовал по ещё большим глубинам в поиске восхитительных глубоководных рыб. Больше других привлекала меня рыба по названию *CHIMERA MIRABILIS*, впервые выловленная норвежцами с глубины без малого девятисот метров в районе Овечьих островов. Туловище этой рыбы коричневого цвета, напоминающее угря, переходит в оконечность в виде бича; жабры зеленоваты, а плавники в форме крыльев бабочки — сине-фиолетовые. Рыба не слишком впечатляла размерами — семьдесят шесть сантиметров в длину. А вот её огромный продолговатый глаз выделялся изумрудной радужкой и золотистым зрачком. Облик рыбы полностью соответствовал её названию: *Chimera* — обозначает «нечто немислимое, призрачное». Эта же была ещё и *Mirabilis* — «достойная восхищения».

Однажды мои «изыскания» по части глубоководных рыб были прерваны стуком в дверь. Зашёл боцман в сопровождении матроса. Без лишних вступлений он заявил, что предстоящий переход экватора им хочется обставить как можно торжественнее. И они принялись убеждать меня, чтобы я обговорил это дело с капитаном, согласился быть Посейдоном и вообще взял всё в свои руки.

В те времена нашим судном командовал капитан «Домейко»⁶. Ко времени постройки новых трансатлантических лайнеров руководство подобрало на нашу линию двух новых капитанов с похожими фамилиями, что дало почву

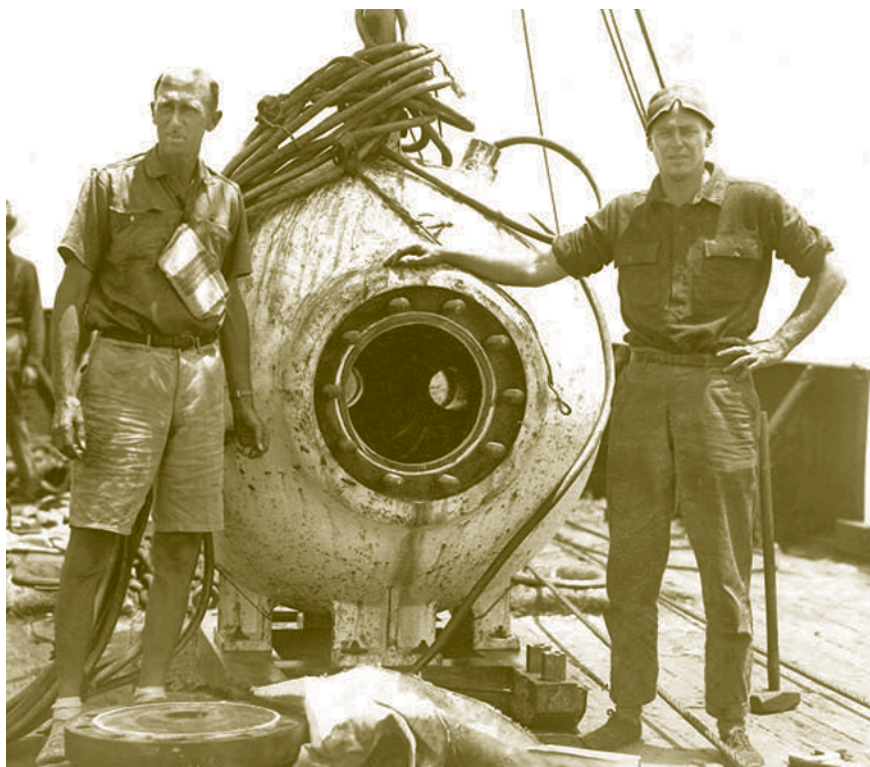
для постоянных недоразумений. В связи с этим, одного прозвали «Домейко», а другого «Довейко»⁷. Оба представляли собой неподдельные «перлы» в сокровищнице историй, передаваемых из уст в уста по всем кают-компаниям нашей судоходной компании.

Оба капитана происходили из-за восточной границы. Жизнь

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

восполнить пробелы в области литературы и истории читал он много. Но зачастую перепутывал всё: очерёдность исторических событий, авторов и названия прочитанных книг. Борьба капитана с собственными недочётами вызвала уважение, что вовсе не мешало ему быть постоянной темой самых весёлых историй, благодаря

Биб (слева) и Бартон у батисферы

провели в море. Польских школ никогда не посещали. Капитан Домейко, не наделённый лингвистическими способностями, на лету творил новые слова и очень удивлялся, если его понимали далеко не с полуслова. Из желания

которым он и пользовался огромной популярностью.

Когда, к примеру, новый офицер впервые услышал на мостике капитанскую фразу: «Тихо идём, ядрёна мать, а корабля-светляка как не видать, так не видать» — долго соображал, прежде чем догадывался, что: «судно идёт малым ходом, а плавучий маяк всё никак не откроется».

На проведение церемонии экваториального крещения капитан Домейко тут же согласился, но при условии:

— Ну, чтобы порядок был! Пассажирское же судно, без порядка никак!

Chimera Mirabilis

⁵ Уильям Биб (1877–1962) — американский биолог, впервые обозревший с борта батисферы глубоководный мир и его описавший (переводч.).

⁶ «Домейко» — прозвание капитана Эдварда Пацевича (переводч.).

⁷ «Довейко» — прозвание капитана Витольда Панасевича (переводч.).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

Капитан Эдвард Пацевич (слева) на экваториальном крещении

По части порядка и чистоты капитан Домейко был педантом. Заботился он и о хорошей репутации судна, и об удобствах пассажиров, невзирая на класс каюты, которую те занимали. Самое незначительное неудовольствие со стороны пассажиров, ставшее известным капитану, могло выплеснуть поток его «собственного красноречия» на головы руководителей команд и служб — старшего офицера, старшего механика, интенданта или шеф-повара. В остальном же плавание проходило «тихо и спокойно».

Посейдон

Ритуал экваториального торжества был нам известен и затруднений не вызывал. Следовало не допустить лишь одного — чтобы, переусердствовав, не обидеть невзначай тех, кого будем насильно брить и крестить.

Неожиданные проблемы возникли при распределении ролей. Все матросы без исключения желали выступать, исполняя конкретную «функцию». Наиболее стройным достались роли нереид. Самый симпатичный парень перевоплотился в Амфитриту. С тритонами ситуация несколько запуталась. Выяснилось, что многие матросы уже приготовили себе наряды чертей, и о тритонах слышать даже никто не захотел. Лишь один костюм тритона удалось соорудить из старой клеёнки. Всех, однако, сразил матрос, который когда-то имел несчастье побывать на Диком Западе. У него оттуда был костюм ковбоя и лассо, которым он вполне даже умело пользовался. И вот, захотелось ему выступать при Посейдоне в качестве... ковбоя. Не убеждало его, что Нептуну в глаза ковбоя видеть не приходилось: «Или буду ковбоем, или за борт брошусь!»

Пришлось согласиться. Пусть отлавливает своим лассо тех, кто норовит ускользнуть, и передаёт их чертям. Едва утихло дело с «ковбоем», как возникло новое —

с плотником. Чёртом он быть не хочет, тритоном тоже, но всё же присутствовать в свите желает — он-то ведь плотник! Причём в качестве кого-нибудь повесомее, поскольку «...вы же понимаете, пан штурман, я всё-таки плотник!»

Плотник был двухметрового роста, а мускулатурой напоминал он пещерного человека. Волосы космами ниспадали ему на чело, и только это слегка выдавало, что он всего лишь прикидывается наивным.

— Говорить тоже ничего не буду, — изрёк он, — вдруг ошибусь!

Боцман попытался отговорить плотника от намерения выступить. Тот ответил, что это из зависти, поскольку сам боцман не выступает, а способен он разве что только людей гонять.

Озарила меня мысль, что многие годы своей жизни провёл в океане Гефест, мускулистый гигант с молотом в руке. Плотника вполне можно было показывать в качестве атлета. Я поинтересовался, не сможет ли он прикрыться мехом и обзавестись молотом побольше.

Продолжение на 24-й стр.

Гефест

Профессор Одо Буйвид

Начало на 16-й стр.

ГОВОРИТЬ при этом ему ничего не придётся. Плотник повеселел. Заявил, что есть у него старая бекеша на меху, и нужный кусок он оттуда выкроит.

С астрологом, брадобреем и лекарем проблем не возникло.

На борту было более семисот пассажиров до Южной Америки, в большинстве своём — украинцев, направлявшихся в Аргентину. Все пассажиры уже знали, что на экваторе их ждёт интересное зрелище. Наши доморощенные «артисты» сходились во мнении, что зрелище ОБЯЗАНО быть восхитительным. А, чтобы всё вышло «восхитительно», нужен был соответствующий сюжет и составленный по нему сценарий. Всей этой гурьбе «артистов» предстояло действовать слаженно, иначе ПОРЯДОК, предписанный капитаном, легко мог быть нарушен.

Я предложил обыграть сцену со строптивым матросом, который сопротивляется ритуалу обрядования и отказывается от того, чтобы Посейдон нарёк его новым именем. Одели бы мы его в какой-нибудь старенький, но подновлённый костюмчик, который черти в пылу страстей безжалостно разорвут в клочья. Подтащенный к

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

Посейдону матрос проигнорирует ритуальную формулу наречения его новым именем. Возмущённый Посейдон прикажет Гефесту усмирить смельчака. У Гефеста в руках специальный картонный молот с краской внутри, которым и «расколет» он голову богохульнику. Тот «замертво падёт» к ногам Посейдона, а обряд крещения продолжится, будто бы кара за кощунство была делом обычным и само собой разумеющимся.

Проект был принят с большим воодушевлением. К сожалению, провести генеральную репетицию не представлялось возможным. По мере же потребности каждая роль озвучивалась, и, в соответствии с традицией, повторялась соответствующим «артистом».

Среди пассажиров каждого судна находится лицо, которому по значимости его личности или занимаемой должности приходится играть роль первого из них. На латыни это так называемая *persona grata*, другими словами, «желанная личность». Роль такого лица на этот раз играл профессор Буйвид⁸ из Кракова. Без малого восьмидесятилетний старичок, учёный. Моментально, как только зашёл он на борт, тут же основал кружок эсперантистов и сам стал вести в нём занятия. Капитан был восхищён профессором, а профессор — капитаном. Мы же стали опасаться, что капитан выучит ещё один язык и понимать друг друга нам с ним станет несравненно труднее.

Накануне пересечения экватора в соответствии с традицией из-за борта раздался голос тритона, который от имени Посейдона поинтересовался флагом и названием судна. Матросы помогли тритону подняться на борт. Поскольку это всегда происходит после захода солнца, многие пассажиры стали свидетелями этого события. Конечно

же, все с изумлением восприняли появление человека из-за борта. А объяснялось всё просто — сидел он там на беседке⁹, подстрахованный на всякий случай линём.

Дети выходили из себя, сопровождая на мостик монстра, одетого в платье из клеёночной чешуи. Пожав капитанскую руку, тритон объявил о предстоящем завтра в шестнадцать часов прибытии Посейдона, Амфитриты, Гефеста и всего двора. При этом он не преминул добавить, что от пребывания на воздухе у него пересохло в горле. Готовый к такому повороту дел капитан подал тритону бутылку рома. Посланник Посейдона попрощался с капитаном и в сопровождении детворы перед сходом в глубины океана заглянул ещё и к матросам на беседу.

На следующий день, задолго до наступления шестнадцати часов толпы пассажиров, собравшихся вокруг второго трюма, с нетерпением ожидали начала анонсированного зрелища. Тем временем в рядах готовой к выходу свиты возникла паника. Все, начиная с Посейдона и кончая ковбоем, усомнились вдруг, сумеют ли они с заданием справиться. Ужас охватил всех нас от мысли, что если оскверним извечный ритуал, то выставим себя на всеобщее посмешище.

Положение спас самый странный человек из экипажа — начпрод¹⁰. Представлялся он невзрачным горбунком, которого все называли за глаза «Пятноводителем». По образованию он был магистром и философии, и математики. Успел он поработать учителем и воспитателем, бросил это занятие, выучился шофёрскому делу и с полутора десятками злотых в кармане отправился в Гдыню. Там нанялся на судно «мальчиком» в провиантскую. Стал первым начпродом на «Пилсудском»¹¹, затем — на «Батории»¹².

⁸ Буйвид, Одо Феликс Казимеж (1857–1942) — выдающийся польский учёный-биолог (переводч.).

⁹ Беседка — сиденье в виде доски, подвешенной на тросах, служащее для подъёма/опускания матросов для работ на отвесных поверхностях (переводч.).

¹⁰ Начпрод — начальник продовольственного снабжения (переводч.).

¹¹ «Пилсудский» — современнейший (1935 г.) и крупнейший польский пассажирский лайнер (переводч.).

¹² «Баторий» (1936 г.) — однотипный «Пилсудскому» пассажирский лайнер (переводч.).

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

Желая взглянуть на Рио-де-Жанейро, перешёл с «Батория» на наше старое «сокровище»¹³, и вот теперь держал в руках поднос с «пятновыводителем».

Хваченная кружка «пятновыводителя» моментально спёрла дыхание и подавила крик «Огонь в горле!» А мгновение спустя все мы уже были готовы запеть: «Гей, поляки, в штыковую!»

В момент, когда отзвучала восьмая склянка, процессия двинулась.

Возглавлял её Посейдон с золотым трезубцем в руке и искусно сплетённой короной на голове. Его огромная косматая борода вызвала ропот восхищения. Рядом с Посейдоном шагала Амфитрита. Её выпуклая грудь скрывалась под золотой сетью, такая же сеть оплетала фигуристые бёдра. Но самыми прекраснейшими в Амфитрите были глаза. А вот они-то принадлежали старшему матросу Юлису, которого именно поэтому и избрала на роль супруги Посейдона.

Вчерашний посланник тритон в последний момент прихватил с собой посох и никому не позволил его отнять. Каким образом ему удалось разжиться на этом торжестве посохом, так и осталось его тайной. Явно готовил он его заранее, поскольку посох был покрыт изящным плетением, изогнут и позолочен.

Внешний вид Гефеста вызвал шепоток среди пассажиров: «Подывысь! Подывысь!» — на плече Гефеста лежал огромный мастерски раскрашенный картонный молот. Самому великану гримироваться не пришлось. Восхитительная мускулатура, чудовищных размеров молот, лоскуты меха и отдалённо не напоминали привычной повседневности.

Шепоток: «Подывысь! Подывысь!», долетевший до процессии Посейдона, приподнял дух «артистов». Громкий ропот перерос в бурю аплодисментов при виде nereид, убранство которых, как и их сестры Амфитриты, составляли лёгкие золотистые сетки.

Но больше всего полюбились черти. Рукоплесканиям не было конца. Ковбой, шествовавший в одном ряду с Лекарем, Брადобреем и Астрологом, никого своим видом не смущал. Под аплодисменты процессия достигла второго трюма, где была принята капитаном, прибывшим вместе с почтенным профессором в окружении руководителей всех команд и служб. Посейдон вознёс трезубец, требуя тишины. поприветствовал он капитана, профессора и собравшихся, после чего напомнил о пересечении экватора польским учебным парусником «Львов», «колыбелью» польских навигаторов, который стал первым судном под бело-красным флагом, принимавшим на своём борту Бога Морей — Посейдона. В продолжение речи он отметил, что морские души, кои рождаются штормовыми ночами на мачтах и реях, на руле и с вёслами в противоборстве с волнами, особо им любимы. Люди с морской душой, отказавшиеся от жалких блаженств сухопутной жизни, обретают неподдельное наслаждение в работе на океанах среди ураганов, туманов и айсбергов. Те из них, кто достиг экватора, удостоятся почётно членства в братстве детей посейдоновых. Нарекут их новыми именами, под которыми и будут они известны Посейдону. И ниспадёт на них особое покровительство Бога Морей, и впредь смогут они всегда полагаться на его помощь. Но перед наречением каждый подвергнется омовению, а с помощью бритвы — и очищению от всех несуразностей берегового существования. Ни одной сухопутной пылинки не должно остаться на том, кто впервые пересёк экватор...

Как только все заняли отведённые им места, наступила очередь Астролога, объявившего, что по его расчётам именно в сей момент судно пересекает экватор. Мощным рёвом отозвалась судовая сирена. Церемония крещения началась.

Кандидатов на крещение обмазывали огромным помазком, истекающим мыльной пеной, после чего их скоблили бритвой

длиной никак не меньше метра. Затем обритого протаскивали через огромную вентиляционную трубу, обильно поливая водой из брандспойта, направленного в раструб дефлектора. Боцман с наклеенной бородой, одетый в клеёнчатый плащ, следил за тем, чтобы черти не слишком издевались над обмываемыми.

Когда матрос, очищенный от нелепостей берегового существования, предстал перед Посейдоном, тот касался его трезубцем и оглашал имя, под которым наречённый отныне будет известен по всем морям. Это были преимущественно названия морских инструментов, такелажа, парусов, морских рыб. Тритон вынимал из-за уха огромное перо и вписывал присвоенное имя в *Свидетельство о Крещении*, заранее подготовленное судовыми каллиграфами и художниками. Всё шло столь гладко, будто никто из процессии никогда в своей жизни ничего иного и не делал.

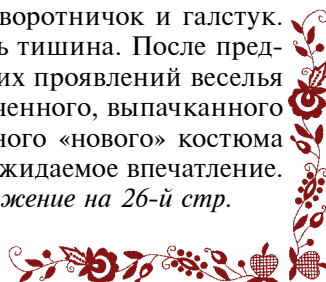
Капитан был доволен.

— НУ, ПОРЯДОК ДОЛЖЕН БЫТЬ! ПАССАЖИРСКОЕ ЖЕ СУДНО!

Когда приглашённые гости успели насытиться видом бритых и мытых, Посейдон дал знак отыграть сцену с несговорчивым матросом, который поджидал в оговорённом месте, одетым в щеголеватый костюмчик, заботливо зашпатурованный, выстиранный и накрахмаленный стюардессами так, что выглядел как с иголки. Черти принялись гоняться за матросом. Они так удачно избражали безуспешную погоню, что она приковала к себе всеобщее внимание. Тотчас же моряка выволокли, а точнее — вынесли, держа за ноги и руки. Тела чертей густо чернили накрахмаленный и отглаженный костюм, отутюженную манишку, воротничок и галстук. Воцарилась тишина. После предшествующих проявлений веселья вид промоченного, выпачканного и изорванного «нового» костюма произвёл ожидаемое впечатление.

Продолжение на 26-й стр.

¹³ «Сокровищами» назывались популярные в нашем флоте три первые польские трансатлантические лайнера — «Полония», «Пулаский» и «Костюшко».

ЧЕРТИ делали вид, что изо всех сил пытаются сломить сопротивление непокорного матроса. Их напряжённые мышцы демонстрировали всю возможную гамму эффектов. Все теперь наблюдали за неравной схваткой, и были на стороне этого одиночки, противостоящего четверым чертям.

Невысокий и поджарый матрос, с лицом привлекательным и обаятельным, склонил всеобщую симпатию на свою сторону. На капитанском лике отразилось беспокойство. Посейдона пронзила дрожь при мысли, что в самый неподходящий момент капитан может усмотреть непорядок и тогда весь эффект будет утрачен.

Удерживаемого на весу непокорного матроса Брадобрей намылил и обрил. Никакие попытки вырваться не помогли, и через вентиляционный дефлектор его таки протащить удалось. Оборвать рукава, в соответствии с полученной инструкцией, получилось не без труда.

Таким образом «очищенного» поднесли к Посейдону и, выкручивая ему руки, поставили на колени. Посейдон коснулся его трезубцем и изрёк новое имя:

— *CHIMERA MIRABILIS!*

— *Chimera Mirabilis!* — повторил тритон, выхватывая из-за уха давно уже бездействовавшее перо.

В этот самый момент «непокорный» огласил монолог. Это был единственный текст, предварительно трижды прослушанный Посейдоном — монолог не мог содержать слов, недостойных слуха почтенного профессора. «С пеной на устах» непокорный матрос изрыгал из себя заученные проклятия. Тишина наступила столь явственная, что слышно было каждое слово.

Великий гнев охватил Посейдона. Со всей силы ударил он трезубцем о палубу и зычным голосом обратился к Гефесту:

— Кончай с ним, Гефест! Пусть больше не богохульствует!

Огромный Гефест с тяжёлым молотом в руках стал медленно приближаться к моряку. Когда одетый лишь в набедренную меховую повязку гигант поднял молот, все затаили дыхание. На всех лицах отразился ужас.

Напряжённые мышцы Гефеста свидетельствовали о внушительном весе молота. Его

Кароль Ольгерд Борхардт

КРЕЙСЕР

размеры превышали объём головы непокорного матроса. Кровь стыла при мысли, что случится, если эта масса железа упадёт на хрупкий череп. Гефест играл свою роль превосходно. Посвящённые опасались лишь, как бы красная краска не вылилась из молота преждевременно. Если картон размяк — весь достигнутый эффект пропадёт даром.

Черти ещё больше выкрутили матросу руки, облегчая Гефесту удар по наклонённой вперёд голове. К счастью, капитан так увлёкся происходящим, что не усмотрел нарушения порядка. Гефест примерил удар. Мышцы торса гиганта напряглись, и тут же чудовищный ржавый молот опустил на голову непокорного моряка. Картонный обух вмялся внутрь, а воспринималось это так, будто пол черепа было раздавлено. Красная сукровица, помещённая внутри молота, брызнула по сторонам. Эффект получился столь сверх неожиданно великолепным, что всем в свите захотелось орать от восторга.

Черти освободили руки непокорного моряка, который с «окровавленной» головой, закатывшимися белками глаз, свалился на люк трюма.

— Подывысь, вбылы! — раздавалось в толпе украинцев. — Вбылы! Вбылы! Вбылы! — всё громче расходилось по всему судну.

В этот момент с кресла сорвался старичок профессор, и с криком: «Это варварство! Я на это смотреть больше не могу!» сбежал с трюма.

Возмущение профессора дезориентировало капитана Домейко. Он тоже сорвался с места и, задетый за живое, обратился к старшему офицеру:

— Ну, такого варварства я не допущу! Ну, как можно так людей убивать! Ну, вы за это ответите! Это же ваши подчинённые! Ну, абсолютно и категорически не позволю людям убивать! Ну, смотреть я на это не могу! Немедленно прекратите эту расправу!

И быстренько побежал договаривать профессора.

В свою очередь, старший офицер понятия не имел, что об этом думать. Поскольку в число посвя-

щённых он не входил, то решил, что «актёров» понесло. Впрочем, он воочию наблюдал, сидя рядом с лежащим «трупом», как тому проломили голову. Видел, как рвали на нём новенький костюмчик. Мог парень и разозлиться. А теперь вот лежат окровавленные, с закатывшимися глазами растерзанные останки человека, который минуту тому назад был ещё жив. По правде говоря, именно из-за умения закатывать глаза эта трудная роль и досталась именно этому матросу. Мы в большей степени рассчитывали на эффект закатывания глаз, чем на удар плотника.

Старший офицер, задетый претензиями капитана, обратился к Посейдону:

— Как вы могли такое допустить? — И тут же к плотнику:

— Где это видано, так людей убивать? — И вновь к Посейдону:

— Вы слышали, капитан приказал немедленно всё прекратить!

Посейдон сошёл с трона и дал знак к окончанию крещения. Сбежались черти и нерииды. Поднялся и «убитый» матрос, улыбаясь всем, кто так ему сочувствовал. Поднялась новая буря оваций. Все как один рукоплескали. Больше всех радовались пассажиры. Уж очень им было жаль, что статно одетого моряка так зверски убили. Теперь они громко орал:

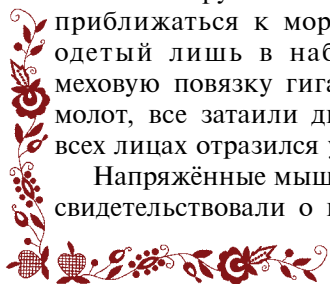
— Бис! Бис!

А «непокорный» матрос раскланивался в благодарности за признание своего таланта.

Пассажирам хотелось продолжить созерцание столь необычных обрядов посреди океана. Они показывали друг другу пальцами на таинственный молот, с помощью которого отчитанный старшим офицером Гефест пытался навести порядок.

Но приказ капитана был однозначен. Посейдон собрал весь свой двор и отправился в помещения «перед мачтой». Раздосадованные члены команды, которых окрестить ещё не успели, требовали продолжения торжеств. Самые раззадоренные протискивались сквозь толпу с криками:

— Ещё меня! Ещё только меня!

ИЗ-ПОД СОМОСЬЕРРЫ

Лайнер «Пулаский»

В помещениях на баке сожаления выплеснулись наружу. «Артисты» не давали себя убедить, что добились они величайшего успеха, коль скоро ввели в заблуждение и капитана, и старшего офицера. О пассажирах и профессоре не стоило даже вспоминать. Но плотник принялся возмущаться, что его заподозрили в способности разmozжить коллеге голову. Черти по примеру плотника тоже почувствовали себя обиженными. Неужто можно было подумать, будто они и в самом деле выламывали коллеге руки? Отказывались даже от шампанского, предложенного капитаном.

Впервые в жизни позволили они обнажить свою глубинную и существенную привязанность к морю, выступая перед публикой в образе фантастических мифических существ, и в этот момент их заподозрили в способности издеваться над товарищем и его убить!

Мучения Посейдона на этом не завершились. Поскольку стоял он вахту с ноля до четырёх утра, спать приходилось ложиться раньше, чтобы успеть выспаться. Из глубокого сна вырвал его стук в дверь. Чья-то рука зажгла свет. Посреди каюты стоял стюард:

— Пан штурман, простите, что разбудил, но я пришёл, чтобы вы меня окрестили, нарекли и удостоверили, что я экватор пересёк.

— Почему вы пришли не днём, а ночью? Ведь мне в двенадцать на вахту!

— Днём я занят, вот только что освободился. А сейчас всего лишь девять. Пан штурман, напишите, пожалуйста. Вот здесь. Я уговорил, чтобы мне выписали такой же документ, какие вы подписывали палубной команде. Я даже перо принёс. Чтобы вам искать не пришлось.

Посейдон взял перо, вписал «*Exocoetus Spilopus*» и поставил подпись.

Стюард, прочтя, поинтересовался:

— Пан штурман, так это как я буду теперь зваться? Что это такое?

— Это, чтоб ты знал, летающая рыба. А если уж так написано, то по всему миру будут знать, что это такое.

Посейдон свалился на подушки и благодарностей уже не слышал. Снилось ему восхитительная рыба *Chimera Mirabilis* с сине-фиолетовыми плавниками в форме крыльев бабочки. Явно возбуждённая рыба с силой бьёт плавниками. Плеск воды так навязчив и шумен, что Посейдон просыпается, но странные шумы не стихают. Будучи перенесёнными из сонных миражей в действительность, напоминают они скорее прозаический стук в дверь, чем плеск воды из-под плавников таинственной *Chimera Mirabilis*.

— Кто там?

Двери открываются, зажигается свет. Каюта заполняется людьми. Пятеро стюардов.

— Мы к вам, пан штурман, чтобы вы удостоверили, что мы экватор пересекли.

И так каждый вечер, пока вся команда не получила желанных свидетельств. А тут кто-то из пассажиров вспомнил, что в других судоходных компаниях по случаю пересечения экватора раздают красочные дипломы. Почему на этом судне таких не выдают? К интенданту была отправлена делегация: «Пусть дипломы будут платными, но получить хотим».

Более предприимчивые пассажиры постарались раздобыть дипломы по собственной инициативе. И вновь по вечерам в каюте Посейдона стали появляться стюарды за получением подписей на свидетельствах. Для пассажиров.

Спустя несколько дней после неудачного пересечения экватора капитан Домейко обратился к Посейдону:

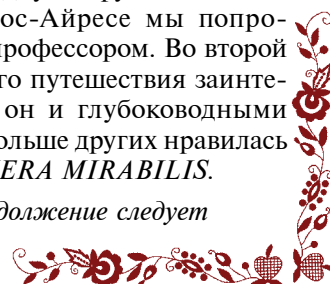
— Ну, знаете, что? Ну, профессор непременно желает вас видеть. Ну, подойдите к нему в пять, сегодня. Ну, профессор будет рад.

Посейдон пошёл. Нашёл профессора на лежаке на шлюпочной палубе. Старичок его очень даже тепло поприветствовал, после чего попросил:

— Мой дорогой, я не желаю, чтобы вы распорядились меня обрить и обмыть, но очень мне хочется получить текст вашего выступления. На добрую память о пересечении экватора, несмотря на моё столь нелепое поведение во время церемонии и произошедшие по этому случаю недоразумения. Но всё было настолько великолепно сыграно, что всем, принимавшим в этом участие, — делает честь. Прошу от моего имени принести извинения всем тем, кого я обидел своими подозрениями и выразить признательность за превосходную игру.

В Буэнос-Айресе мы попрощались с профессором. Во второй части своего путешествия заинтересовался он и глубоководными рыбами. Больше других нравилась ему *CHIMERA MIRABILIS*.

Продолжение следует

**STEFANIA CÓRKA
STEFANA PAWŁYSZYN**

Urodziła się 20 мая 1930 roku w mieście Kołomyja na terenie Rzeczypospolitej Polskiej (obecnie to jest teren obwodu Iwanofrankiewskiego, Ukraina) – radziecka, a później – ukraińska znawczyni muzyki klasycznej, pedagog, doktor habilitowana, członkini Związku Kompozytorów ZSRR (1957), członkini Zarządu Narodowego Związku Kompozytorów Ukrainy, członkini Stowarzyszenia Naukowego im. Tarasa Szewczenki, honorowa członkini Narodowej Akademii Sztuk Pięknych Ukrainy (2009).

W 1952 roku ukończyła wydział historyczno-teoretyczny Konserwatorium Lwowskiego pod kierownictwem A. Kotlarińskiego, a w 1955 roku – studia podyplomowe przy Konserwatorium Kijowskim.

W okresie lat 1949–1952 wykładała fortepian, solfeż i literaturę muzyczną w różnych szkołach muzycznych Lwowa, w latach 1953–1954 – historię muzyki w Konserwatorium Kijowskim.

W 1955 roku w Kijowie obroniła doktorat na temat «Twórczość D. Syczyńskiego».

Od 1955 roku pracowała, jako starsza pedagog, od 1960 roku – jako docent, od 1983 roku – profesor Konserwatorium Lwowskiego. W okresie lat 1955–1985 również prowadziła seminaria z muzyki współczesnej, specjalizując się w muzykologii.

Uzyskała stopień doktora habilitowanego w 1981 roku. Tematem jej dysertacji zostały tendencje rozwoju zachodniej muzyki XX wieku.

Między innymi jest autorką „Ballady Kubańskiej”, którą napisała i opracowała w 1986 roku, przebywając wówczas na Kubaniu w gościnie u swojej bliskiej przyjaciółki, aktywnej działaczki polonijnej Jadwigi Grzelak-Garlińskiej.

W okresie lat 1992–1998 pracowała jako kierowniczka działu nauk o sztuce, a od 1998 roku – kierowniczka działu kulturologii Zachodniego Centrum Naukowego Narodowej Akademii Nauk Ukrainy.

Jest autorem szeregu prac naukowych z historii muzyki, generalnie ludowej ukraińskiej.

Zmarła 5 stycznia 2021 roku we Lwowie.

«БАЛЛАДА КУБАЊСКА» (nie Kubińska!)

Ballada historyczna (1986 rok)

Odpoczynek Polonii ze Lwowa na ziemi Kubańskiej u rodaków

*Już raz trzeci w środku lata
Lucia se w powietrzu lata
Załatwiła wszystkie sprawy,
Coś dawała do naprawy,*

*I nareszcie na wyprawę
Jadą niby na zabawę.*

*Bigos trochę był zmęczony,
Bagażami udręczony;
Ale tu w ostatniej chwili –
Któż to podróż im umili?*

*Radość wielka ich spotkała,
Gdy w samolot też wsiadała
Ich najdroższa koleżanka,
Cóż za miłą niespodzianka!*

*Lecą w stronę południową,
Trasę mają całkiem nową.*

*Już w wieków zaraniu
Wiedziano o Kubaniu.
Urodzajne tutaj ziemie
Zamieszkało Scytów plemię.*

*Może Grecy tu hasali,
Pieszono stępy przemierzali?*

*Lucia marzy, by na koniu
Choć kozaka zoczyć w błoni.
Ale ciemna noc nadchodzi,
Wzrok sokoli nos zawodzi*

*Już nie chcemy my kozaków,
Ani Scytów, ani Greków;
Żeby tylko Jadzia była
I rodzina z nią przybyła.*

*Pierwszą noc miast na letnisku,
To spędzili na lotnisku.
Stenia spała w samolocie,
Bo najlepiej lula w locie.*

*Ona karty też rzucała
I coś złego przeczuwała.*

*No i Antek tu nawalił
Omal «Wołgi» se nie spalił.
Nas przestraszył na lotnisku,
Osmolony, jak w ognisku.*

*Ale już po krótkiej chwili
Wiezie nas do swojej willi.
Elegancko tutaj mają,
Psa i kota też trzymają.*

*Są pokoje i salony,
Władek wyszedł ogolony.
Jadzia w pięknym peniuarze
Już gotuje coś na parze.*

*Jak przyjęli nas śniadaniem,
To stanęli przed zadaniem:
Jak do «Wołgi» upchnąć wszystko,
Osób sześć i poduszysko,*

*I pierzyny i kartofle,
Pomidory i pantofle.*

*Władek trzyma pod nogami
Olej, masło i salami.
Bigos jedzie komfortowo,
Chociaż też ma to i owo.*

*Antek autem sam kieruje
I na Dżubgę już szoruje.*

*Drogi coraz są piękniejsze,
Lucia, Jaga też ładniejsze.
Tylko Stenia skromnie milczy
I spogląda okiem wilczym.*

*Bo to spanie w samolocie
Służy chyba że hołocie.
No, bo człowiek kulturalny
Lubi w łóżku naturalnym.*

*Ale wreszcie jest już Dżubga;
Nie wybiega żaden sługa,
Ale tyle, tutaj ludzi,
Że aż strach się w sercu budzi.*

*Jadzia szuka dla nas kota,
Już się nawet na strych pląta.
Ale zawiedziona srodze,
Nie ma miejsca na podłodze.*

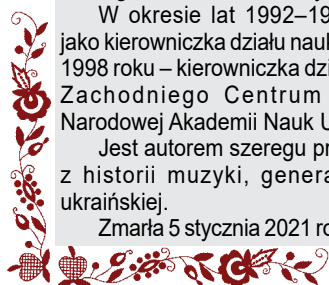
*Aż morowa pani Zocha,
Co to wszystkich ludzi kocha,
Bierze nas pod swój skrzydełko,
Daje koc, prześcieradelko.*

*Bo, wyprąta ich czterdzieści,
Także są przynajmniej wieści.
Ciocia Zosia w sadzie śpi,
Ma pod nosem zapach psi.*

*Zanim wreszcie już spoczęli,
Sprawiedliwych snem zasnęli,
To rozrywki kulturalne
Mieli tutaj kolosalne.*

*Bo Dorota, miła śmieszka,
To w muzeum sobie mieszka.
Antek bowiem jest rzeźbiarzem,
Czasem nawet też malarzem.*

*Bo artystą jest on wielkim,
Dłubie nawet w drzewa belce.
A z gałązki, jak on zechce,
Zrobi hoże on se dziewczę.
Stolek, żółwia, baletniczkę,
Czasem także popielniczkę.*

Potem mieliśmy kolację
O północy, aż libację.
Piliśmy tu też szampana,
A nazajutrz zaraz z rana

Poszliśmy poszukać jeść
A tu nie ma nic – i część.
Ani mąki, ani mleka,
Cukru nie ma nawet deka!

Chodzą tłumy głodnych ludzi,
Aż się litość w sercu budzi.
Nam się też już kończy wszystko,
Resztę zjadły pies, kocisko.
I serniki, i pierniki,
Wszystko migiem tutaj znika.

Lucia zjadła wiadro śliwek,
Choć wołałaby – oliwek.

Potem, jak Stefan Batory,
Musiała iść do komory.

Adygejcy tu mieszkają,
Co rzemiosła wszelkie znają.
Lecz leniwi są też dosyć,
Nie chcą zasiać, ani kosić,

Chociaż plaże pełne śmieci,
W morzu księżyc pięknie świeci.
Woda czysta, długie fale
Jak wspaniałe tu pływanie!

Stenia kostium grecki ma,
W nim nurkuje aż do dna.
Raz ją senna mara dusi,
Że się ktoś na kostium kusi.

Krzyków takich narobiła,
Że aż wszystkich pobudziła.
Bigos pyta: co się dzieje?
Może wdarli się złodzieje?
Wreszcie huknął: co za licha?
Kiedy w końcu będzie cicho?

Mieli tutaj kufer wielki,
W nim trzymali ciuchy wszelkie.
Jak się w podróż wybierali,
Wszystkie lachy wyjmowali.

Tu się Władek objawuje,
Co to tańczy i pracuje,
Nawet spodnie sam prasuje,
I bilety nam kupuje.

Już w autobus się ładują,
I na Tuapse szorują.
Lucia potem się oblewa,
Tak autobus ten rozgrzewa.

A miasteczko Tuapse,
To-to całkiem jest pod psem:
Tylko towar tu wyrzucą
Już się zaraz ludzie kłócą.

Tu za wszystkim są kolejki,
Takie długie, że aż jejki!
Nie ma mąki, ni kielbasy,
Wykluczone ananasy!

Nie ma butów, ni kaszketu,
Ani masła, ni pasztetu.
Plaże tu są przepelnione,
Brudnym ludem zawalone.

Steńka, to ma czasem gest,
A że każdy głodny jest,
Więc zaprasza do kawiarni,
No i myśli, że nakarmi.

Ale w koniec grzecznie prosi,
By jej dali chleba cosik.
Pełni wrażeń i jedzenia,
I po słońcu to leżenia
Powrócili już do domu,
Lecz wstydliwie, po kryjomu.

No bo nie przywieźli nic
Więc do łóżek szybko – hyc.

Władzio niby jest praktyczny,
Ale także - romantyczny.
Zdolny jest na wielkie czyny,
Stenię woła na wyżyny.

Górę z morza zdobywają,
Do niej śmiało podpływają.
Raz nas w środku nocy budzi
I na takie słowa ludzi:
Chodźcie prędko, póki ciemno,
Mamy ścieżkę tu nadziemną.

Dalej jest zatoka piękna,
U nas plaża w szwach już pęka.
Lucia gubi swoje kapcie,
Stenia się za nogę łapie.
Bigos pada na kamienie,
Utracili całe mienie.

Bigos szuka pożywienia,
Łapie żółwia spod kamienia,
Potem chwytą za robaka,
Ale ten już dał drapaką,
Stenia poszła do wojskowych,
Szuka se wietnamek nowych.
Ale warta ją złapała,
Za moralność ukarała.

Że wojskowi tu mieszkają,
Jej bikini oglądają.
Powieć wam, jakie tu spanie:
W nocy jest bombardowanie.
Ale proszą być bez strachu,
Bo to jabłka lecą z dachu.

Jak przy stole biesiadują,
To na głowach im lądują.
Jak spytacie, moi mili,
Co tu jedli, co tu pili,
To co piątku po obiedzie
Jadzia z Antkiem tutaj jedzie.

Wiozą całe worki ryby,
Czasem prawie wieloryby.
Włożą chleby, placki, ciastka,
Ciocia Zosia kury taska.

Wiozą sery i kielbasy,
Także inne rarytasy.

Ciągle robią tu porządki,
Lucia z Bigiem kopią grządki,
Często także zamiatają,
Kurzem płuca napelniają.

Władek siódme poty ściera,
Antek słupem dom podpiera.
A Dorota, jak stokrotka,
Leci tam, gdzie jaka płotka.

Stenia już do miasta zmyka,
W drodze się z Jagusią styka,
Która szczepi, plewi, grabi,
Chociaż suknie ma z jedwabi.
Jak do lasu się wybrali,
Setki grzybów uzbierali.
Antek – królik doświadczalny,
Wypróbował niejadalne.

Aż raz zimna noc nastąpiła,
Stenia zbite okno miała.
Więc stolniczką go zakryła
Lucia z zimna to aż wyla.
Stenia w morze wciąż skakała,
W nocy potem z chłodu drżała,
No i grypkę już dostała.

Lucia robi jej wymówki,
Daje czośnek i kroplówki.
Czasem mleko też od krówki
(Bigos lata jej zelówki).

Ale morze zwyciężyło,
W słońcu wszystko znów ożyło.
A więc dalej jest wesoło
I płyną wszyscy wkóło:

Lucia – stylem siekierkowym,
Bigos żabką – wyborowo;
Stenia – stylem całkiem nowym
Nawet czasem «meduzowym».

Trzeba kończyć,
Czas upłynął
Tak tu prędko
Miesiąc minął.

Dżubga, sierpień – wrzesień 1986
Opracowała Anna GORDIEJEWA

- 635 lat** – W Lublinie na zjeździe szlachty książę litewski Jagiełło został wybrany na króla polskiego (2.02.1386).
- 635 lat** – Chrzest Jagiełły i nadanie mu imienia Władysław (15.02.1386).
- 635 lat** – Koronacja Władysława Jagiełły na króla Polski (4.03.1386).
- 610 lat** – W Toruniu został zawarty traktat pokojowy Polski i Litwy z Zakonem Krzyżackim (1.02.1411).
- 425 lat** – Król Zygmunt III Waza przeniósł rezydencję królewską z Krakowa do Warszawy (18.03.1596).
- 365 lat** – Karol Gustaw skłonił księcia pruskiego Fryderyka Wilhelma I do poddania Prus Książęcych zwierzchności szwedzkiej i zerwania związków lennych z Polską (17.01.1656).
- 365 lat** – Nieliczne siły polskie pod dowództwem Stefana Czarnieckiego poniosły pod Gołębim porażkę od Szwedów. Wkrótce jednak wojska polsko-litewskie osaczyły Szwedów w widłach Wisły i Sanu (19.02.1656).
- 329 lat** – W czasie spotkań cara Piotra I z Augustem II w Birzach Rzeczpospolita zdecydowanie odmówiła udziału w wojnie ze Szwecją (.02.1701).
- 255 lat** – W Lotaryngii zmarł w wieku 89 lat król Polski Stanisław Leszczyński (23.02.1766).
- 230 lat** – Na scenie Narodowego Teatru Polskiego wystawiono *Powrót posła* Juliana Ursyna Niemcewicz (15.01.1791).
- 230 lat** – Uchwalenie prawa o sejmikach – ustalenie organizacji i kompetencji oraz wykluczenie z nich szlachty nieposesjonatów, czyli hołoty (24.03.1791).
- 225 lat** – Zawiązanie w Krakowie aktu konfederacji dążącej do odbudowy Polski z ziem zaboru pruskiego (6.01.1796).
- 220 lat** – W układzie pokojowym francusko-austriackim Napoleon pominął milczeniem sprawę polską. Na znak protestu demonstracyjnie podał się do dymisji generał Karol Kniaziewicz i wielu oficerów (9.02.1801).
- 205 lat** – Z inicjatywy Stanisława Staszica powstała w Kielcach Szkoła Akademiczno-Górnicza (16.02.1816).
- 195 lat** – Zmarł Stanisław Staszic, wybitny mąż stanu, pisarz, filozof, przyrodnik, organizator życia naukowego (20.01.1826).
- 190 lat** – Sejm powołał Rząd Narodowy, na czele którego stanął książę Adam Jerzy Czartoryski (29.01.1831).
- 190 lat** – Armia rosyjska pod wodzą feldmarszałka Iwana Dybicza wkroczyła do Królestwa Polskiego (5-6.02.1831).
- 190 lat** – Generał Józef Dwernicki pokonał pod Stoczkiem dywizję generała Fiodora Gejsmara (14.02.1831).
- 190 lat** – Zwycięstwo pod Dobrem generała Jana Skrzyneckiego i Piotra Szembeka (17.02.1831).
- 190 lat** – Bitwa pod Grochowem, stoczona przez generała Józefa Chłopskiego w obronie Warszawy, mimo olbrzymich strat z obu stron nie rozstrzygnęła sytuacji (25.02.1831).
- 190 lat** – Wodzem naczelnym mianowany został generał Jan Skrzynecki (26.02.1831).
- 190 lat** – Wybuch powstania na Litwie (26.03.1831).
- 190 lat** – Zwycięska kontrofensywa wojsk polskich pod dowództwem generała Ignacego Prądzyńskiego (31.03.1831).
- 180 lat** – Zamach na agenta carskiej policji spowodował wkroczenie wojsk zaborczych i okupację Wolnego Miasta Krakowa (17.02.1836).
- 175 lat** – W Galicji wybuchło powstanie chłopskie Jakuba Szeli. Tego samego dnia do Wolnego Miasta Krakowa wkroczyły wojska austriackie (18.02.1846).
- 175 lat** – Wybuchło powstanie Krakowskie. Oddział wojsk austriackich po krótkotrwałych walkach wycofał się z miasta (20/21.02.1846).
- 175 lat** – W Krakowie powstał Rząd Narodowy Rzeczypospolitej Polskiej (22.02.1846).
- 170 lat** – Zniesiona została granica celna między Królestwem Polskim a Cesarstwem Rosyjskim (1.01.1851).
- 165 lat** – W Dublanach koło Lwowa powstała Szkoła Rolnicza, której fundatorem był Leon Sapieha (9.01.1856).
- 160 lat** – W Austrii został wydany Patent Ludowy, który wprowadzał autonomię w krajach monarchii habsburskiej (28.02.1861).
- 160 lat** – W Królestwie Polskim przywrócono Radę Stanu i Komisję Rządową Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (27.03.1861).
- 120 lat** – Urodził się Julian Przyboś, poeta, eseista (5.03.1901).
- 120 lat** – Zmarł malarz Aleksander Gierymski (8.03.1901).
- 115 lat** – W wyborach do rosyjskiej Dumy Państwowej Polacy zdobyli 53 mandaty (.03.1906).
- 105 lat** – Zmarł geograf Wacław Nałkowski (29.01.1911).
- 100 lat** – Sejm postanowił o powołaniu Senatu jako wyższej izby parlamentu (27.01.1921).
- 100 lat** – Polska i Francja zawarły umowę o współpracy politycznej, a dwa dni później podpisano tajny układ obronny o wzajemnej pomocy na wypadek agresji niemieckiej lub sowieckiej (19.02.1921).
- 100 lat** – W Bukareszcie zawarto polsko-rumuńskie przymierze obronne uzupełnione o tajny układ o wzajemnej pomocy w razie ataku sowieckiego (3.03.1921).
- 100 lat** – Sejm Ustawodawczy uchwalił Konstytucję Rzeczypospolitej Polskiej (17.03.1921).
- 100 lat** – W Rydze po pięciomiesięcznych rokowaniach został podpisany traktat pokojowy między Rzeczpospolitą Polską a Rosją Radziecką i Ukrainą (18.03.1921).
- 75 lat** – W Warszawie uruchomiono pierwszą linię trolejbusową (5.01.1946).
- 75 lat** – Pierwszy powojenny spis ludności w Polsce wykazał 23 929 737 osób (14.02.1946).
- 70 lat** – Powstało Stowarzyszenie Dziennikarzy Polskich (11-12.03.1951).
- 65 lat** – W Moskwie po zakończeniu obrad XX Zjazdu KPZR zmarł Bolesław Bierut, I sekretarz PZPR (12.02.1956).
- 40 lat** – Generał Wojciech Jaruzelski stanął na czele rządu (11.02.1981).
- 30 lat** – W Moskwie podjęto decyzję o likwidacji Układu Warszawskiego (31.03.1991).

A rzecz była dziecinnie łatwa

А ларчик просто открывался

Na „jakoś tam będzie” daleko nie zajedziesz

Авось да как-нибудь до добра не доведут

Małe złodzieje wieszają, a wielkim się kłaniają

Алтынного вора вешают, полтинного чествуют

Broda jak u proroka, a cnota jak u draba

Аминь, аминь — а головой в овин

Długo ten pokuka, kto babę oszuka

Баба и чёрта перехитрит

Koza z wozu, koniom lżej

Баба с возу — кобыле легче

Do baby na porady

Женский ум лучше всяких дум

Łaska pańska na pstrym koniu jeździ

Барской лаской не хвастай

Bez dołu grobla, bez nakładu zysk nie będzie

Барышу наклад родной брат

Nie po drzewie przygoda chodzi, a po ludziach

Бедя не по лесу ходит, а по людям

Ubogi jak mysz kościelna

Беден как церковная мышь

Ubóstwo nie hańbi

Бедность не порок

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**

Nr 1 (68) 2021 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**

№ 1 (68) 2021 г.

PISMO POLAKÓW W ROSJI (Wydawane od 2002 roku)

Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.

Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077

Przedstawicielstwo w Warszawie – Jan KARBOWNICKI: tel. +48 513 326 655

Szata graficzna i skład komputerowy – Irena DANIŁOWA

Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: Post Office Box 30, Krasnodar-Center, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ РОССИИ (Издаётся с 2002 года)

Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.

Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077

Представительство в Варшаве – Ян КАРБОВНИЦКИЙ: тел. +48 513 326 655

Оформление и компьютерная вёрстка – Ирина ДАНИЛОВА

Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: Абонентский ящик 30, Краснодар-Центр, 350000, Россия

RYSUNKI KRZYSZTOFA KAMILA BACZYŃSKIEGO

„Labirynt miasta”

Okladka książki

Okladka książki

„Zima”

Ilustracja z poematu „Serce jak obłok”

„Melibee”

Ilustracja do bajki

Okladki poematu „Serce jak obłok”

Źródło: Biblioteka Narodowa